

Илья Рясной

АЗЭРБАЙЧАН
АЗЭРБАЙЧАНЛАРЫНДЫР!

826

КАВКАЗ В ОГНЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Рясной

Кавказ в огне

«Автор»

2026

Рясной И. В.

Кавказ в огне / И. В. Рясной — «Автор», 2026

СССР восьмидесятых годов двадцатого века. Горят национальные республики, где к власти рвутся пещерные националисты. Страна идет к пропасти. И в этом пожаре и дыму честно выполняют свой долг советские военные, в меру сил пытаясь сдержать подступающий хаос. Книга о профессии, которая всегда оставалась в тени – о военной юстиции. О курсантах Военного института, о военных следователях и судьях трибуналов. И о трагедии в Закавказье, где в «святые» годы Горбачева обильно лилась кровь и активно разваливали единую и до того вполне счастливую страну – Союз Советских Социалистических Республик.

© Рясной И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	28
Глава 10	29
Глава 11	31
Часть вторая	33
Глава 1	33
Глава 2	35
Глава 3	37
Глава 4	40
Глава 5	43
Глава 6	45
Глава 7	47
Глава 8	49
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Илья Рясной

Кавказ в огне

Часть первая

Осиное гнездо советской разведки

Глава 1

«Здесь птицы не поют, деревья не растут.

Глухой стеною обнесен военный институт».

Этой глухой стеной в Лефортово, на улице Волочаевская были огорожены два современных корпуса и старинные царские двухэтажные краснокирпичные казармы, в которых располагалось, по мнению некоторых, самое элитное высшее учебное заведение Министерства обороны СССР.

1981 год. Они стояли на плацу учебного центра близ поселка Свердловка, что рядом со Звездным городком. Форма на вчерашних школьниках пока сидела совсем неважно, явно не как влитая – не то, что на тех, кто пришел в институт из строевых частей.

Перед построением, с трудом пришив погоны на новенькую, только что выданную, форму и глянув на себя в зеркало, Иван Шершневу испытал какое-то странное чувство – будто все это происходит не с ним, и в зеркале вовсе не он. Нет, какое-то сходство определенно имелось – та же щуплая, немножко сгорбленная мальчишеская фигура, те же большие грустные глаза и оттопыренные красные уши. Только стрижка непривычно короткая, вовсе не та, которой его баловали в парикмахерской модельных стрижек в Москве. И зеленая форма – она будто перечеркивала все. Это не мог быть Ваня. Это был кто-то другой.

Но чувство диссонанса налетело и растворилось в вышине голубого августовского неба. Шершневу вернулся с небес на землю и понял, что теперь он в новой реальности. И в ней он курсант. Жизнь его теперь расписана по дисциплинарному уставу. Его обязанность отныне – постигать науки, учиться и выполнять приказы. Он военнослужащий.

И вот первое общее построение в новом качестве. Ваня курсант пятой группы первого курса четвертого факультета. С ним плечом к плечу стояли два десятка парней из его группы – новоиспеченных курсантов со щитами и мечами в красных петлицах. А весь курс – почти полторы сотни человек.

Эх, если бы знать будущее одноклассников, с которыми Ване на пять лет фактически предстояло стать дружной семьей. Будущее ожидалось бурное. Но что настолько – никто не мог даже помыслить.

Но пока они никто. Так, жалкие заготовки для Советской Армии, каким-то чудом прошедшие по конкурсу в военный ВУЗ, куда, как утверждали знающие люди, попасть вообще невозможно. Но они попали. И впереди ждала «вешалка» – курс молодого бойца.

КМБ – это зарядки, физдо, тактика, уставы, окапывание, строевая подготовка – все, чтобы сделать свободного человека рабом приказов и уставов. Так началась у Шершнева армейская служба со всеми ее взлетами, падениями, вершинами разума и неразумными маразмами.

Кстати, насчет маразма – его курсанты хватанули полной ложкой и сразу. С первых дней КМБ они начали валиться с ног от дизентерии. И военная врачиха, видевшая во всех злостных симулянтов, относившаяся к зеленым человечкам с буквой «К» на погонах, как к оловянным солдатикам – мол, сдохнете, и ладно, на переплавку отправим, умудрилась дизентерийникам не

давать освобождения от службы, гонять в общие наряды, в том числе по столовой. В результате половина потока в первые дни очутилась в «чумных бараках» – то есть переехала из палаток в зимние казармы, ставшие карантинном. Какими же непотребными словами орал на врачей приехавший на ЧП начальник медслужбы института – подполковник с медицинскими эмблемами в виде задумчиво глядящей в рюмку змеи.

Ох, времечко было. Болезнь какая-то странная вышла – не шибко злая, без симптомов, так что Шершневу две недели валялся на койке, изображая больного, вместе с толпой таких же тунеядцев. А его сослуживцы рвали жилы до изнеможения на полосе препятствий.

Рядом с Ваней скучал ставший ему позже добрым другом будущий Председатель Союза нотариусов России. Они читали Достоевского и вели беседы на темы философии и литературы. Это было принято – интеллектуальные беседы, даже среди зеленой молодежи.

Наконец, всех вышибли из чумного барака обратно в палатки – одна полагалась на отделение. Еще несколько дней болезные побегали вместе со всеми – после диет и лежания на кровати это было труднее вдвойне. Потом стрельбы, где Шершневу удалось из автомата попасть туда, куда надо.

Желтые институтские автобусы «Пазики» – это было престижно, солдат возили на грузовиках – привезли курсантов на ставшую позже родной Волочаевскую улицу. После палаток казарма на втором этаже из трех кубриков по пятьдесят человек, без горячей воды, показалась хоромами. Она стала им домом на долгие три года.

А затем присяга – и все, выбор окончательный, обжалованию не подлежит. Впереди – офицерская стезя, нелегкая, суетная, но такая важная.

Первые дни службы. Казалось, что пережить это невозможно. Ощущение, как будто свободного гражданина Афин продали в рабство на финикийскую галеру. Первый курс ты как «молодой» в армии – постоянно скачешь. Бегаешь, Всем все должен. И страшно хочется жрать – поэтому многие брали из столовки хлеб и таскали в карманах, за что подвергались публичному бичеванию и нарядам по службе.

И впереди было пять лет такой жизни, которые тогда казались вечностью.

Глава 2

На Волочаевской перед курсантами первого курса открылся загадочный мир, теперь ставший их миром, во всей красоте и неприглядности. Для справки – Военный Краснознаменный институт Министерства обороны был образован на базе знаменитого Военного института иностранных языков. Тот выпустил массу известных людей, в числе которых знаменитый фантаст Аркадий Стругацкий. В 1974 году к ВИИЯ присоединили военно-юридический факультет, таким образом, образовался ВКИМО.

Институт состоял из нескольких факультетов, элитарных и не очень. Первый – западных языков, довольно щадящий в плане учебы. Там собрались самые прекрасные дети самых превосходных родителей. Эдакое дворянское собрание. Курсантов на курсе там было всего-то человек тридцать.

Второй факультет – восточных языков. Относительно элитарный. Там на каждом курсе училось человек девяносто. Наиболее умные постигали японский язык, самый сложный в изучении – недаром у кого-то время от времени там «слетала кукушка». Арабский язык считался относительно престижным. Арабов СССР тогда любил, всячески с ними сотрудничал по военной стезе, поэтому у арабистов имелись хорошие шансы попасть по окончании института за границу – на какую-нибудь из многочисленных арабских войн.

Самые несчастные люди и самая многочисленная категория там были «китайцы». Язык средней тяжести, единственно, что там плохо – слово, произнесенное четырьмя разными тонами, имеет четыре разных значения. Этот язык был самым проблемным в карьерном плане. У тех, кто его освоил, путь был один – десятилетиями сидеть на Дальнем Востоке и заниматься радиоперехватами. В Китай тогда у китаистов шанс попасть был примерно как слетать на Марс. Вся надежда была на второй язык – английский, но он в армии не особо и нужен, а если понадобится специалист на бортовой перевод на международные военные рейсы, то для этого имелась куча бездельников с первого факультета.

Третий факультет был самый замороченный. Там готовили спецпропагандистов. Они изучали и западные, и восточные языки в полном объеме. Но помимо этого учились множеству способов выворачивать наизнанку мозги потенциального или реального противника, работать с общественным мнением, убеждать врагов, что сопротивление бесполезно и в плену им будет лучше. Кстати, одна из наиболее реальных и интересных дисциплин в институте – если бы это направление развивали правильно и применяли во внутренней жизни, может, и развала Союза не случилось бы.

И четвертый факультет, самый многочисленный – юридический, родом из Военно-политической Академии. Переводчиков соседство с юристами вгоняло в неистовство – мол, крючкотворы проклятые, испортили их рафинированную атмосферу международного сотрудничества и светских раутов запахом сапог, гуталина и тюремной романтикой.

Была еще девчоночья группа на первом факультете – там учились исключительно дамы из высшего общества, как правило, дочери и внучки военачальников. И двоюродная сестра Шершнева – тоже дочка и внучка, там училась, постигая итальянский язык. Они носили синюю форму без погон, получали стипендию девяносто рублей – обычные студенты в СССР получали рублей тридцать. И воинственные девы не переносили, что их считают не совсем военными.

Как-то в институтском клубе с концертом выступал известный комик Владимир Винокур. Посмотрел на зал и сдуру выдал:

- Ой, что-то тут много девочек в синеньких костюмах. Это пэтеушницы?

Действительно, в ПТУ похожую форму носили. Шершнев думал, Винокуру там лицо наманикюренными ногтями располосуют. Такой гул возмущения накатил. Форма – это была

болезненная тема для курсисток. Они все требовали на общих институтских собраниях обрядить их в «зеленку» с погонами.

- Тогда вас в казарму сажать надо! – резонно возражали руководители.

- А мы согласны! - с вызовом кричали курсистки.

Но так не напасаешься на всех казарм.

На строевом институтском смотре на плацу обычно на трибуне гордо возвышался зам-начальника института генерал-лейтенант Дородный. Поговаривали, среди курсисток училась его внучка. Поэтому на курсантов он обычно орал благим матом:

- Переводчики, тяните ногу! Тяните ногу. Четче шаг. Плохо!

Это по мегафону на весь район, хотя институт считался секретным, и какие там факультеты, знать не было положено никому постороннему, хотя знали все.

На девчонок же Дородный умилялся:

- Хорошо, девочки! Хорошо!

Пусть ходили строевым шагом в основной массе курсанты неважно. Но курсисток вообще нужно было видеть. Толпа девок на шпильках цокают по асфальту нестройно, как стадо лошадей копытами, и еще пытаются изображать из себя нечто военно-строевое.

Контактировали курсанты с курсистками не так, чтобы много и плотно. Почему-то сторонились друг друга. Правда, ближе к распределению начинались женитьбы, шуры-муры. Особенно липли к девушкам курсанты из «низших сословий», сами выгрызающие себе путь в жизни – это был реальный шанс через сановного тестя или знающую все ходы и выходы тещу получить хорошее распределение.

Имелись еще ускоры – курсы ускоренного изучения иностранного языка. Туда брали только из армии. Год ударными темпами им забивали в голову какой-нибудь язык – в основном пушту, то есть афганский. За этот год утрамбовывали более-менее разговорную речь и письмо. Давали младших лейтенантов – и на два года практика. Точнее – служба в какой-нибудь горячей точке. Оттуда возвращались уже старшими лейтенантами. Курсанты им завидовали страшно, поскольку им самим до звездочек было идти стройной шеренгой, в нарядах и караулах, аж пять лет.

Специальность «иностранные языки» была престижной потому, что она давала возможность после выпуска попасть в элитарную касту заграничников. Большинство населения СССР не имело шансов выбраться за рубеж – все же железный занавес. Болгария за счастье считалась, а капстраны – это вообще фантастика. Съездить в занюханный Париж порой становилось главным событием жизни. По фильмам, рассказам, западным шмоткам и технике советские люди представляли, что есть за линией государственной границы сказка, где все люди ездят на собственных машинах и имеют магнитолы «Шарп», приобретенные без угрозы помереть от голода, копя на них годами.

«Забугорье» было параллельной реальностью. Той, куда добираются с загранпаспортами через спецтерминал Шереметьева. Откуда возвращаются с чеками Внешпосылторга, покупают машины, затовариваются в «Березках» импортными шмотками. В общем, иной мир. И заграничники были как бы иномирянами.

Поехать за границу означало довести уровень благосостояния до такого, который для обычных, и даже не совсем обычных, людей был недостижим. А еще – запретный мир посмотреть и стать как бы его частью. В общем, заграничники по скромности своей считали себя небожителями. А остальных – ну, кто-то там внизу копошится.

Вот так и с переводчиками. Небожители они.

Нельзя сказать, что между факультетами была какая-то вражда, выяснение отношений. Но презирали друг друга искренне. Переводчики считали юстицию быдлом, чернорабочими и вообще людьми бесперспективными, непонятно как затесавшимися в эти святые стены. Теми, кто будет всю жизнь возиться с дезертирами и ворюгам в дальних гарнизонах и света белого не

видеть. А себя видели уважаемыми дипломатами, пьющими виски на светских раутах и получающими за это бесчисленные блага. Юристы их воспринимали мажорами, стяжателями и фарзой, которых интересуют только чеки Внешпосылторга, на которые обменивали заработанную за границей валюту.

Эти чеки вообще для переводчиков были фетишем. Больше всего общались «юрла» с «переводами» в санчасти. И это было испытание - лежать с будущими дипломатами в одной палате. Через час голова начинала идти кругом от бесконечного шума: «А сколько чеков платят в Анголе? А сколько в Египте? А сколько в Афгане в аппарате советника? А где дают дипломатические чеки, и где простые?»

Вторая болевая тема «переводов» - это аппаратура. Где и сколько стоит двухкассетный магнитофон «Шарп», как его протаскать в СССР и где лучше продать за две с половиной тысячи рублей. И главная мечта - машина, на которую, если правильно распорядиться доходами, можно заработать за одну командировку за границу. Создавалось ощущение, что им от жизни вообще больше ничего не нужно.

И еще казалось, что вся эта бодяга с международным военным сотрудничеством придумана лишь для того, чтобы «переводы» ездили по миру и зашибали чеки. И покупали машины. И прифарцовывали аппаратурой.

На самом деле, конечно, все было далеко не так. Переводчики ждали с замиранием сердца заграничных командировок в такие страны, в которые позже, после развала СССР и падения железного занавеса, по приговору суда не сошлешь - упрекнув в издевательствах над осужденными. Курсанты были на практике и в воюющей Эфиопии, и в истекающей кровью Анголе, и черт еще где. Там, где воевало русское оружие - а эта была половина стран третьего мира. И Афганистан - переводчики командировались туда и в аппарат военных советников, где платили очень много чеков, и в обычную армию, где платили мало чеков. Вот только бывало, что «богатых» советников и переводчиков афганские войска, при которых они были, поднимали на штыки и переходили на сторону душманов.

Некоторым везло больше. Шершневу знал одного «ускоря» - тот два года бил баклуши на курортных Островах Зеленого Мыса, приехал оттуда толстый и довольный.

Но в основном уделом «переводов» была война. И с этих бесчисленных войн постоянно шли гробы. Кто-то рухнул на самолете, подстреленным ПЗРК, в Эфиопии. Кого-то настигла душманская пуля. Кто-то подхватил в экваториальной Африке неизвестную болезнь и скончался в карантинной зоне эпидемиологической больницы на Соколиной горе - в отделении по тропическим болезням. Всякое бывало. И, несмотря на склонность «переводов» к побрякушкам и «березовым» чекам, они все же несли на себе тяжелую ношу вечной войны между Россией и Западом на территориях стран третьего мира.

В главном корпусе на первом этаже все стены были исписаны перепиской между «юрлой» и «переводами».

«От вашего ВИИЯ не осталось ни х...я». «Засуньте два ваших языка себе в ж...у» - на переводческих факультетах учили два языка.

Мечтой переводчиков было попасть в АСА - Академию Советской армии, готовившую военных дипломатов и русских Джеймс Бондов. Кстати, шансов у них было не слишком много, потому что в Академию охотнее брали строевых офицеров, понимавших что-то в военном деле. Но в итоге в военной разведке оказалось немало выпускников института. Некоторые сделали карьеру. Вообще ВИИЯ был фактически подчинен в старые времена военной разведке. И традиции остались еще с тех времен.

В институте был спецфонд, куда доставлялись иностранные журналы, военные справочники, все то, что простым людям было недоступно. И с гордостью «переводы» показывали журнал «Штерн», где на обложке была фотография института с подписью «Осиное гнездо советской разведки».

Это приподнимало в своих глазах даже юристов, которые к разведке вообще никаким боком. Но они же тоже здесь, в гнезде - значит, причастны! А переводчики напускали на себя при этом такой задумчиво всезнающий вид – мол, наша призвание тайная война.

Кстати, на кафедрах действительно было полно преподавателей оттуда, с тех самых гнезд. Немецкий преподавал легендарный полковник Баумгартен - всю войну пробывший нелегалом в Германии, его даже в Гестапо пытали. После войны был барменом около американской военной базы и собирал информацию у пьяных американских военных. Жил на нелегальном положении в США. Рассказывал, что его приключения в Гестапо сушая безделица по сравнению с тем, как он однажды проспал остановку в Нью-Йоркском метро и заехал в Гарлем. Вышел из вагона, и на него алчно уставились «негры-людоеды». Спасло, что он хорошо бегал.

И таких монстров разведки и тайных дел в числе преподавателей было много.

Правда, на разведывательную работу некоторые выпускники забредали с другой стороны, с черного хода, можно сказать, и совсем не так, как их воспитывали. На общем институтском собрании принародно бичевали выпускника, который, вздохнув воздуха буржуазной свободы, очумев от цацек и денег, не только продался по дешевке ЦРУ в арабской стране, но и тут же попался, получил пятнадцать лет. Повезло еще, что жив остался – могли запросто к расстрелу приговорить. Спасло его то, что он был молодой, глупый и государственных секретов почти не знал.

«Переводов» натаскивали на профессию очень хорошо – гораздо лучше, чем на гражданке. Школа ВКИМО – она эталонная в какой-то мере. Напротив казармы, где теперь жил Шершнеф, был лингафонный кабинет – так «переводы» там часами слушали иностранную речь, перемежаемую звуками выстрелов и разрывами гранат - для натуральности.

Военный перевод – курсант должен был вызубрить тысячи военных терминов, при этом разбираться в военной технике, тактике. Одно слово, неправильно переведенное, может привести к тяжелейшим последствиям и на войне, и на учениях.

Один двоечник на учениях, где присутствовало дружественное командование некой воинственной арабской армии, так хорошо перевел артиллеристам на арабский координаты, что те шарахнули снарядами прямо по штабу – хорошо, никого не убили. Так что в этой профессии ошибки чреваты.

Интересно, что после выпуска юристы и «переводы» время от времени сталкивались друг с другом. На Дальнем Востоке по доброте душевной именно презренные юристы выдерживали из частей бедных китаистов, которые одуревали в своей тайге, слушая изо дня в день по радио китайскую речь. Устраивали их дознавателями в прокуратуру, и те были счастливы.

Глава 3

У курсантов вошла в наезженную многими поколениями их предшественников колею какая-то странная жизнь, строго очерченная забором на улице Волочаевская. Наверное, в народе представляли элитный ВУЗ чем-то возвышенным и аристократичным в плане времяпровождения. Шершневу же запомнилась бесконечная череда дней, наполненных учебой и нарядами. Гнобили юристов военными порядками достаточно жестко. Обычная войсковая часть получалась – то ты на кухне посуду моешь. То выгружаешь пищевые отходы – это называлось поработать на параше. То ты в карауле. То стоишь на тумбочке дневальным и орешь диким голосом:

- Курс, подъем.

Строем на завтрак. Потом учеба. Самоподготовка. Вечерняя прогулка с песней. Вечерняя проверка. Отбой. И снова по тому же заколдованному кругу. Изю дня в день, из месяца в месяц, из года в год.

Юристов, как самых многочисленных «зеленых человечков», отцы-командиры воспринимали, как неквалифицированную массовую рабочую силу. Самые черные наряды, самая большая часть плаца для уборки, самое маленькое количество увольнений в город – это была их горькая судьбушка. Они были как в Спарте чем-то вроде рабов-илотов, а переводчики себя ощущали истинными спартамцами.

Ох уж этот плац! Он Шершневу потом снился долгие годы. Когда там выпадал снег, он казался бескрайним. Очищали его часами и ненавидели люто. Трудно даже представить, насколько тяжело очистить плац после снегопада, даже в составе полной группы.

Как-то по окончании сессии, когда пятая группа сдала ее на отлично и по правилам должна была тут же отбыть в отпуск, начальник курса объявил: «Не отоьете лед на плацу, в отпуск не пойдите». И ребята дружно долбили ломами до ночи этот несчастный лед. А он держался упорно и откалываться не желал.

Сочинил на пике чувств Шершневу однажды в лютую зиму стих матерный:

«Мороз, нет солнца, день ненастный.

Еще ты дремлешь, друг несчастный.

Пора, красавец мой, проснись.

И на зарядке пое...сь.

Кстати, в глазах переводчиков юристы были не только осквернителями их храма международных отношений. Ведь закручивание гаек началось именно с образованием общего института. До этого ВИИЯ жил гораздо более свободно в плане дисциплины, выходов в город и общей атмосферы. После переименования там к власти пришли строгие строевики-пехотинцы, которые мечтали сделать из института некий штрафбат. Опять же отдувались за все юристы. Поскольку дисциплина у них и у «переводов» была несколько разной. То раздолбайство и разгильдяйство, что считалось у «переводов» изящным и куртуазным, у юристов жестоко каралось.

Юристы с завистью смотрели на вольные нравы переводчиков. Определялся уровень дисциплины просто. Заходишь на курс – если у тумбочки дневальный, значит, здесь царит мрак насилия над личной свободой. Если дневальный дрыхнет, и проходи на курс кто хочет – тут истинная свобода и вольнодумство. У переводчиков со второго курса уже редко кого встретишь на тумбочке. Юристы и на пятом в общаге у нее стояли, считая себя просто несчастными людьми от такого унижения.

Самый раздолбайистый был третий факультет. У спецпропагандистов вообще порой царила анархия. Однажды дежурный по институту нашел на тумбочке дневального записку, прищтыренную штык-ножом – «Наряд ушел на фронт». С годами Шершневу пришлось осозна-

ние, что от таких фокусов недалеко до трибунала, но тогда, по молодости, эти вольности вос-хищали.

Первый курс пролетел в крошечной тьме. До дома Шершневу ехать от института сорок минут, а он не бывал там месяцами. На свиданки к курсантам иногда приезжали родители, как к заключенным.

Позже уже Ваня сочинил анекдот: вся учеба во ВКИМО - это три года общего режима (казарма) и два года колонии-поселения (общага).

Командир курса был молодой капитан, но из ранних - закрутил гайки так, что дышать стало невозможно. По любому поводу сыпались наряды вне очереди, так что некоторые особо продвинутые товарищи вообще не появлялись на лекциях, все время чистили сортиры, в чем достигли такого профессионализма, что учиться вообще не хотели – их и так все устраивало. Капитан страшно хотел поступить в Академию Фрунзе и решил сделать такую образцово-показательную деревянную армию Урфина Джуса – безмолвных курсантиков, только учащихся, не имеющих ни стремлений, ни желаний, кроме как соблюдение распорядка дня. И все было бы ничего, ну гоняют – с кем не бывает. Но встал ребром вопрос о принципах социальной справедливости.

Ребята во ВКИМО учились непростые. Министр Гречко, который благоволил к институту, говорят, там училась его внучка, выделил на ВУЗ значительные средства. Построили два шикарных корпуса, один выглядел почти небоскребом (при этом на первых курсах на последний шестнадцатый этаж запрещалось ездить на лифте, и все со стоном поднимались по лестнице). Аудитории были оснащены по последнему слову техники – от нажатия кнопки опускались экраны в классах, можно было просматривать слайды. Правда долго та техника не прожила, потому что понятие эксплуатационного обслуживания тогда было эфемерным.

По традиции в Институте значительная часть курсантов была из знатных семей. Маршалы и генералы, члены ЦК КПСС прятали туда внуков и внучек на строгий режим, чтобы те чего не учудили, да и мозги бы встали на место. К «аристократам» привыкли, особыми привилегиями они не пользовались. С Шершневым на курсе учился внук одного очень крупного деятеля ЦК – так месяцами сидел за различные провинности без увольнений. Когда выбирался в город, то из дома приезжал на правительственной «Чайке», оставлял ее за несколько кварталов и топал пешком – лишь бы не увидели и чего плохого о нем не подумали, не посчитали пустым мажором. В общем-то, все были равны. Но некоторые были ровнее.

У одного курсанта отец трудился в Главном управлении кадров Минобороны СССР, отвечал как раз за прием в Академии. И первый курс его сынулю вообще не видели в казарме иначе как утром, когда он приходил из очередного увольнения и спрашивал:

- А чего вы здесь делаете?

Он стал достопримечательностью и анекдотом курса. Начальник его только в филейные части тела не целовал, а так все реальные и мнимые пылинки сдувал. Остальных же гнобил жестоко и бескомпромиссно. И чуть не доигрался. Один из курсантов не выдержал и пожаловался своему дяде – генерал-лейтенанту КГБ, что чепуха какая-то творится. Капитана вызвали на Лубянку и песочили долго со словами: «Нам такие офицеры не нужны!»

Капитан покался перед суровыми чекистами, что все понял, осознал, раскаивается и больше такого не повторится. Но ничего не изменилось. И сын полка, то есть ГУКа, продолжал жить дома.

Потом начкурса поступил в Академию, и только тогда «вольного слушателя» выгнали из Института за неуспеваемость. На курс же пришли командовать в меру хитрые, в меру строгие, в меру доступные, в меру капризные, но в целом абсолютно нормальные курсовики.

Один курсовой офицер, здоровенный капитан, выпускник Московского общевойскового училища, прибыл прямо из Ливии. Там он был советником и со вкусом вспоминал, как для

поддержки дисциплины целый день держал провинившихся под палящим солнцем при пятидесятиградусной жаре.

- Мы готовим из вас профессиональных убийц! – говорил он перед строем. – Ибо военный и есть профессиональный убийца!

Насчет убийц он погорячился. А вот профессиональными крючкотворами они стали. И вполне успешными.

До конца обучения с курсантами могли выкинуть такой фокус – за плохое поведение выстроить в аэродинамической трубе – между столовой и казармой, где вечный ветер, а ты в одном ПШ – полушерстяном обмундировании, а температура минус десять. И продержат так минут двадцать, чуть-чуть не до воспаления легких. Но это рабочие вопросы – все злились, но никто особо не обижался. В целом все было пристойно, в рамках традиций и по правилам игры.

Тоскливее всего приходилось курсу на год старше. Там правил стальной дланью непоколебимый и непробиваемый начальник Родионов, кличка Рэд. Он держал своих в таких ежовых рукавицах, что они ходили по струнке, были почти все сплошь отличники и ненавидели его страшно. По окончании на год выписали ему журнал «Свиноводство». Может быть, он даже и подчерпнул оттуда что-то новое в работе с личным составом. Интересно, что из его птенцов многие сделали головокружительную карьеру – один уже в независимой России дослужится до заместителя генерального прокурора.

Самоходы – то есть самовольные отлучки. Трудно молодому парню месяцами за колючкой сидеть. Некоторые «переводы» вообще жили в самоволках, утром толпами возвращались, перелезая через забор – все это напоминало массовую миграцию животных. У юристов с этим было поосторожнее, но любители все равно находились. Сами выписывали себе увольнительные, сами ставили поддельные подписи и печати.

Увольнение в город – камень преткновения для курсанта. Первые три казарменных года в выходные согласно уставу полагалось увольнение не более тридцати процентов личного состава. И никого не колыхало, что это не строевая часть, а ВУЗ – уставы для всех писаны. Так что в месяц максимум человек мог выбраться на волю, в пампасы, пару раз. Но это в лучшем случае. Два балла, незачет по физкультуре – сиди в выходные и не возмущайся, читай учебники или на брусьях отжимайся. Шершнев однажды так не видел воли два месяца – какие-то двойки исправить не мог. Были люди, которых вообще не выпускали за забор, и спасались они лишь самоходами.

Время от времени кто-то за эти фокусы заезжал на губу. Но на гауптвахте Московского гарнизона принимали юристов неохотно. Один посидел там пять суток и такую прочувственную телегу наката, что Московская гарнизонная прокуратура оттуда долго не вылезала и весомых плюшек всем выписала. Потом при одном упоминании о юрфаке ВКИМО начальника губы всего перекашивало от злости.

Были массовики-затейники, которые ради увольнения потрясающие фортели выкидывали. Один курсант, просто прирожденный артистический талант, лучше любого эстрадного пародиста имитировал чужие голоса. И пристрастился по внутреннему телефону звонить начальнику курса, приказывать от имени генерал-лейтенанта Дородного отпустить себя, драгоценного, в увольнение. Генерал, человек в возрасте и маразме, все время что-то вдохновенно вещал с трибун, и в институте каждый знал специфические интонации его голоса. Боялись его из-за непредсказуемости страшно, и никто бы не стал никогда переспрашивать о причинах того или иного его решения. Фокус срабатывал всегда – главное было не перебарщивать и не звонить слишком часто.

Развлекался имитатор и в вечной войне с переводчиками. Лежит на плацу мусор. Хитрый юрист звонит в соседнюю казарму и голосом Дородного говорит:

- Немедленно убрать.

Те тут же застучать соседей рады:

- Так это юристы бросили.
 - Вот именно. Они бросили. А вы за ними ходите и подбирайте, подбирайте!
- И подбирали, подбирали...

Неприятие всего военного, как говорили «дубового» - этот нигилизм жил в курсантах достаточно долго. Знак суворовца считался значком потерянного детства, а его носители неисправимыми «дубами». Суворовцы и правда были накачаны сверх меры милитаристской пропагандой, читали книги исключительно про армию и войну, чем приводили остальных курсантов в состояние ироничное и снисходительное.

Антагонистами ВКИМО считались кремлевские курсанты – из Московского ВОКУ, самого образцового мотострелкового училища Советской Армии. Там всех гоняли, как скаковых лошадей, и были они здоровенные, грубые и прямо-перпендикулярные. То есть плебеи – так курсанты ВКИМО думали, по молодости не догоняя, что каждый занят своим делом и приобретает для этого необходимые качества.

А как ненавидели курсанты строевую подготовку, хотя стрельбы воспринимали благосклонно. Не переносили лагеря, где ползали брюхом по снегу, изображая роту в наступлении.

В общем, дисциплина, уставы и порядок во ВКИМО воспринимались как обуза. Какого-то воинственного духа не было. Один курсант получил пять суток губы, когда побрил виски ровно, под пацифиста – только появилось такое неформальное молодежное движение. За это вообще едва не вылетел из института.

Однажды по исправительно-трудовому праву повезли курсантов на экскурсию в подмосковную зону общего режима. Провели везде, показали, как там житье бытие. И дали пообщаться с заключенными. Общение было такого плана. Курсанты спрашивали:

- А как вы на ужин, обед ходите?
- Строем, - отвечали им зеки.
- И мы строим. А вот как вы к доктору отпрашиваетесь – как заболели, или как начальник решит?
- Начальник решает.
- И у нас командир решает.

В общем, уставной порядок с распорядком ИТУ пересекались процентов на девяносто... Дисциплина, дисциплина, дисциплина. Военная косточка.

Самое смешное, что после окончания курсанты и станут теми, про кого ерничали – дисциплинированными, ответственными, с маниакальным стремлением к порядку. То есть теми же «дубами», и не будут видеть в этом ничего плохого. Вся эта система трансформации сознания сработает стопроцентно. И, кстати, она послужит основой, что большинство добьется успеха и проживет жизнь не зря. И позже мальчишеские взгляды будут восприниматься больше с улыбкой – ну, возраст такой был дурной и мелкий, когда тридцатилетние командиры курса воспринимались глубокими старцами.

С каждым курсом самодисциплина и ответственность прорастали все глубже. За пять лет учебны залеты были единичные. Были и ЧП, но в принципе незначительные. Курсанты-юристы становились по-настоящему взрослыми людьми. И отношения были друг с другом больше какие-то семейные. Друг за друга стояли горой.

Марш-бросок. Бросить товарища нельзя. А были те, кто сдыхали. И тащили их на своем горбу их же товарищи, матерясь всеми мыслимыми словами. Приходили к финишу чуть ли не первыми. И снисходительно прощали со смехом доходяг:

- Ладно, не ной. Ну, сдох и сдох. Больше надо спортом заниматься!

Конечно, и конфликты были, и склоки, и подзуживали друг друга, и высмеивали, не всегда добро. Но чего не было никогда – это взаимного озлобления. И никому в голову не приходило, что одноклассники - осетин, армянин, ингуш, чем-то отличаются от общей массы. Все были советскими курсантами одного из самых престижных ВУЗов. И были братьями.

Кстати, национальности были представлены практически все. Кроме одной, известно какой. В Институте был единственный еврей – на него показывали пальцем, как на диковинку, хотя в остальном был он полностью своим. Его дед, генерал-полковник, был исторической личностью еще времен войны...

Глава 4

Учили на юридическом факультете хорошо, больше делали упор на прикладные моменты. Недаром в аспирантуру и на преподавательскую работу брали только тех, кто не менее трех лет отдал практике - считалось, нельзя преподавать то, чего сам не пощупал.

Государственное право вел Владимир Стрекозов – будущий судья Конституционного суда. Преподаватели были разные - от любимых до глухо ненавидимых. Больше всего начинающие сыщики, Эркюли Пуаро и Шерлок Холмсы в погонах, любили все, связанное с криминалистикой. Завкафедрой был Антонов, блестящий лектор и практик-криминалист, которого следственные органы постоянно привлекали к раскрытию наиболее запутанных преступлений. Он вводил курсантов в романтику интеллектуального поединка с преступниками.

Любимыми были занятия по криминалистике. Выезжали начинающие юристы в лагерь в Свердловке, осматривали там места происшествий, а именно - роняли Васю, так звали резиновую куклу в солдатской форме, и составляли протокол, схемы, думали, кто его, беднягу, грохнул и каким орудием. Допрашивали друг друга. Занимались криминалистическими играми – когда дают вводную, и пишешь, что надо сделать. Потом новая вводная. В результате преступление раскрыто. Снимали отпечатки пальцев. Отстреливали раритетное оружие – в институте была уникальная коллекция, начиная с 19 века. Судебная медицина – в кабинете, называемом «комната страха», были заспиртованные части тел с различными ранами. На судебной фотографии фотографировали «Зенитом». Снимали фильмы на видеокамеру - даже цветные. Проявить цветную киноплёнку – трудно с чем-то сравнить этот адский труд с несколькими сменами химикатов и заранее не известным итогом.

Любимым занятием многих преподавателей было разносить в пух и прах книжных и киношных героев с точки зрения тактики расследования преступлений.

- Эта дура Агата Кристи понятия не имеет, как преступления раскрывать! – эмоционально восклицал на лекции бывший прокурор-криминалист Московского округа – настоящий мастер, поднявший множество глухих преступлений.

Другой преподаватель паразитировал на фильме «Место встречи изменить нельзя», разбирая каждую серию с точки зрения организации оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий – все не так, все неправильно. Допросы осуществлены отвратительно. Оперативные мероприятия – халатно. Нужно было по-другому. И вообще не читайте на ночь братьев Вайнеров, а читайте книги Родионова про следователя Рябина – там все верно расписано, хоть и скучновато.

- Да ладно, вся эта ваша криминалистика, - махал рукой преподаватель гражданского права остроумный и циничный Беспалов. - Следы зубов на потолке. Настоящая юриспруденция – это гражданское право. Все остальное – это его следствия.

Одни предметы преподавали интересно, ярко. Другие просто методично вдальблывали молотками так, чтобы все отскакивало от зубов. Преподаванием уголовного права и процесса заправлял вальяжный и умный доктор наук Тер-Акопов. Его ближайшего помощника шепотного профессора Бражника за глаза называли «точка зрения» - он на любой юридический вопрос отвечал долго и обстоятельно, заявляя в итоге: «А вот есть еще одна точка зрения». Точек зрения на самый простой вопрос у него было столько, что создавалось ощущение, будто в юридических науках вообще нет устоявшихся истин. Одни точки зрения.

По юридическим дисциплинам проводили что-то типа олимпиад. Обычно в них участвовали военные юристы, Высшая школа милиции и Высшая школа КГБ, иногда МГУ. Самые невежественные в юриспруденции были чекисты. Их больше учили иностранным языкам и военным премудростям. Милиционеров готовили хорошо, с упором больше на практику, чем на теорию. Военные в теории права и юридических казусах разбирались куда лучше. Зато

милицейских коллег обучали таким дисциплинам, о которых во ВКИМО и слыхом не слыхивали – оперативно-розыскная деятельность. Считалось, что про агентурную работу военным юристам знать необязательно – а зря. Это то, чего часто не хватало в работе.

Самые тоскливые дисциплины были общественно-политические. Политэкономия еще можно было терпеть – преподаватели были идейно выдержанные, но вместе с тем позволяли себе порой крамольные высказывания, расписывая преимущества и недостатки социализма. А вот История КПСС – это было нечто. В связи с тем, что ВУЗ почему-то считался идеологическим, вместо двух семестров изучали ее целых три.

Главного лектора по истории КПСС, судя по всему, готовили сперва на гипнотизера – так он мастерски усыплял аудиторию за каких-то пару минут. Особенно когда курсанты вставали в шесть утра и шагали через пол-Москвы строем в баню, лютой зимой, в холодрыгу. А потом первая лекция была по истории КПСС. Отключались все и сразу, но лектор был не злобный и лишь изредка призывал проснуться и внимать.

Самой большой головной болью была военная подготовка. Куча всяческих военных дисциплин – ОМП, тактика, бронетехника и вооружение, еще Бог знает что. Юристы все это сразу внутренне отвергали. «Это все дубовая кафедра, это нам не нужно, потому что мы элиты, мы юриспруденция, наш кумир не воинственный Наполеон, а мудрые Перикл и Хаммурапи с их законами». В этой позиции был максимализм мальчишек, одетых в военную форму, лишенных свободы передвижения, разлинованных уставами, но вместе с тем постигавших философию и смысл бытия в ракурсе юриспруденции. В общем-то, это было простое юношеское высокомерие.

Тактику учили все пять лет. И достаточно по-дурацки. Потому что обучали не как в военных училищах – максимум действия роты, батальона. Обучали действиям общевойсковых армий. В результате как командовать фронтом Шершнев по выпуску имел некоторое представление, а как водить БТР и командовать взводом – очень приблизительное, хотя при необходимости уж ротой выпускники обязаны были уметь руководить.

Забавные были занятия по военной топографии. Давали карту, ориентиры, и юристы группами шатались по подмосковным лесам и поселкам, выходя к цели. Оказалось, что это задача не такая уж легкая.

Военные дисциплины тоже преподавали уникамы. Преподаватель огневой подготовки полковник Шульга – за ним надо было записывать. Просто народный трибун, генератор афоризмов.

Он страшно любил выступать с речами перед личным составом, особенно в лагерях, где был старшим. Вот и брякнул то, что потом прилипло к юрфаку, как скотч к заднице:

- Эти юридические лица, которые ходят без строя.

Так курсанты Четвертого факультета стали «юридическими лицами», только без бухгалтерии и отдела кадров.

Огневая подготовка с ним – это длиннющие лекции, что патрон стоит как булка хлеба, а сколько мы хлеба, сволочи косорукие, сожрали без толку своей бесцельной стрельбой. Кулак у него был огромный, он складывал пальцы в кукиш и объяснял:

- Вот она, мушка-целик. Проводим мнительную прямую.

Курсовой офицер был из потомственной генеральской семьи, слушал «Битлов», был гламурный и тоже мечтал стать генералом. Во ВКИМО он перекантовывался перед карьерным взлетом. И на стрельбище ему Шульга орал на все округу:

- Старлей, быстро сюда!

- Вы почему на меня кричите? – возмущался курсовой. - Я все же офицер!

- Гавно ты, а не офицер!

Притом «гавно» произносилось со вкусом и слышалось как «Хаф-фно» - с ударением на первый слог.

Отдельная песня - физо. В основном бег – бегали как лошади. Преподавателем был чемпион Олимпиады по марафону. Он мечтал сделать из своих подопечных марафонцев и прославился своей безжалостной методикой: «так, километр бежим, быстренько так. Теперь километр отдыхаем легким бегом. Потом километр с напряжением».

С бегом у Шершнева всегда было плоховато. Вот с гирями нормально – руки сильные. А с бегом на все дистанции, лыжами и метанием гранаты совсем швах. И его постоянно вместо увольнений в город оставляли тренироваться в субботу и воскресенье, загоняли в спортзал, где он любовался на институтских качков, тягающих блины, и каратистов, самозабвенно молотящих по груше.

Помимо учебы курсанты старались работать над собой и соответствовать понятиям «человек думающий, образованный». И командиры эти устремления разделяли. Например, вырваться в увольнение было затруднительно, но если ты брал пару билетов в театр, то тебя туда пускали группой без проблем. То же касалось и музеев.

В институте была хорошая библиотека, и курсанты читали и классику, и новомодные книги. И Стейнбека, и Фицджеральда, и Булгакова.

Модным был в ту пору Габриэль Маркес. «Осень патриарха». «История одной смерти, о которой знали заранее». Шершнев однажды попросил у библиотечарши выдать его. Он был в дефиците, постоянно на руках, так что нужно было его еще поймать.

- Тебе какой том? – сухо спросила библиотечарша.

- Несите все, - обрадовался Шершнев.

- Хватит дурака валять! – возмутилась библиотечарша. - Говори точно, какой том Карла Маркса нужен!

Зачитывали некоторые книги до дыр. Затевали дискуссии. Чуть ли не до мордобоя доходило в спорах, какой поэт описал метания серебряного века лучше. Притом это считалось как бы обязательным – быть культурным и широко образованным. Хотя тоже всякие курсанты попадались. Некоторые были явно не отягощены излишней культурой. Но запрос на интеллект имелся.

Постоянно в институт привозили лекторов, которые порой не стеснялись скользких политических тем. Политолог и международный журналист Бовин выдавал явно что-то не предусмотренное официальной идеологией, испытывая явные симпатии к Израилю и недолюбливая арабских друзей СССР.

Приглашали в клуб института артистов. Показывали фильмы. В общем, командование старалось воспитывать из курсантов разносторонних людей, за что Шершнев потом был сильно благодарен своей Альма Матер...

Глава 5

Если у тебя чего-то нет, скажи об этом прапорщику, насмеши его.

Материально невероятная элитарная престижность ВКИМО курсантами не ощущалась от слова никак. Сколько потом Шершневу ездил по войсковым частям, нигде не видел, чтобы кормили настолько скудно и скучно.

Располагались едоки в столовой по четыре человека за столом, столовые приборы из нержавеющей стали, все внешне очень пристойно. А потом начиналась раздача пищи. На стол ставилась миска якобы с мясом, где в каком-то машинном масле плавали куски неопределенного происхождения, часто со щетиной. И бачки со свалывшейся в комья перловкой или макаронными рожками. Притом эти рожки были такие склизкие, что сосед Шершнева по столику обожал, перемешивая их вилкой, брезгливо восклицать:

- Опарыши!

Шрам у Шершнева на руке – порезался, когда таскал австралийские туши то ли кенгуру, то ли баранов из Госрезерва, еще пятидесятых годов. Тайна, что это за мясо такое, так и осталась до конца не раскрытой.

По воскресеньям давали вареные яйца, и курсанты ели не только положенные им, но еще и за товарища, судьбой закинутого в увольнение. По большим праздникам на столы выкладывали котлеты, вполне вкусные, но происходило это очень редко – в ресторан «Пекин» чаще ходили.

Спасением служил чипок – так называли буфет, где «голодающие» обычно брали яйцо с майонезом или просто сырое яйцо, которое взбалтывали в стакане с кусочками белого хлеба. Там еще были шикарные эклеры. Правда, это стоило денег, курсанты получали тогда по семь рублей в месяц, на старших курсах по пятнадцать. Но на одной столовке долго не протянешь. Так что тратили деньги на еду.

Объяснялось это безобразие с питанием просто. Зампотылу был армянин-полковник в шапке-аэродроме и очень богатый.

Прапорщики – это отдельная песня. Они как амбарные мыши жадно опустошали все запасы, до которых дотягивались лапками. Куда они девали все эти сапоги, форму, простыни – совершенно необъяснимо. Но их меркантильная активность в итоге вышла им боком.

Схема была простая до изумления. Разворовываешь свой склад. Перед ревизией звонишь такому же прапорщику из Академии Фрунзе и из других московских академий, заводишь с их складов имущество, чтобы отчитаться перед комиссией. Когда в академии проверка – помогаешь друзьям тем же. Особисты прознали об этом. Были организованы одновременные встречные проверки во всех академиях и ВКИМО. С последующими уголовными делами.

Однажды преподаватель военной истории полковник Ионченко, которого обожал весь институт за юмор и блестящие лекции, будучи дежурным, поймал прапорщика, тащившего домой увесистый краденный шмат мяса, и гордо конвоировал его по институту, как на расстрел.

Впрочем, сапоги яловые давали, обмундирование тоже, так что страждущими курсанты не выглядели. Только первые два курса воровали друг у друга хлястики для шинели. Стоит одному хлястику пропасть, как все начинают снимать их у соседей, потому как без хлястика нельзя – нарушение формы одежды.

Интересно, что были некие маркеры, кроме курсовок на рукаве, отмечающие срок службы. Распущенные ремни, как у дембелей в армии, были не приняты, хотя на первом курсе все ходили затянутые до ужаса, потом ослабляли ремни, но не до разгильяйства. А вот сумки – это другое дело.

Для тетрадей и учебников выдавали клеенчатые сержантские сумки. В них мало что влезало, и были они страшненькие. Но командиры следили строго, чтобы все ходили именно с ними. На втором курсе начали позволять менять их на кожаные офицерские. А родители у многих были офицеры, поэтому и снабжали ими своих чад. Но это было еще так, шуточки. Настоящий престиж начинался с четвертого курса, а у «переводов» - со второго-третьего. Когда негласно разрешали носить «дипломаты». Обычные портфели не котиrowались. Вот «дипломат» – это да, это престиж и статус. Тогда в ходу были индийские «ВИП» - стоили они дорого, да еще и дефицитные. Их доставали правдами и неправдами, и владельцы сразу переходили в категорию людей серьезных, которым положено завидовать.

Но за «переводами» юристам было не угнаться. Те во время заграничных практик накупят таких «дипломатов», которых в России и не видывали – с отливом, роскошными замками. Это было как бы обозначение – кто есть кто. Юристы завидовали. Но без злобы.

Еще один заскок был – но это уже на пятом курсе. Институт был выше по статусу, чем обычное высшее военное училище, давал академическое образование, и выпускников страшно бесило, что они получали значки об окончании ВУЗа в виде синих «поплавков». По статусу вполне имели право цеплять на китель белые академические «поплавки», но их никто не выдавал. И перед выпуском прапорщики развернули широкую торговлю белыми значками. Стоили те десятку. Пришлось раскошелиться. Но зато в войска уехали не какие-то там синие поплавковые «дубы», а «академики».

Кстати, на местах эта пыль в глаза действовала. Не раз Шершнеv потом слышал: «такой молодой, а уже академию закончил». Потому что поступление в Академию было мечта для строевого офицера, а тут лейтенант – и уже оттуда. Завидно же!

Ах, эта показуха. Слаб человек, тянет его к дешевым эффектам...

Глава 6

На четвертом курсе курсантам объявили, что они теперь взрослые люди. Осталась за спиной казарма, состоялся переезд в общагу - многоэтажное здание на территории института, где были комнаты на два-четыре человека и один санузел на две комнаты. Ну, роскошь же просто нереальная.

Переводчики общежитие давным-давно прозвали «Хилтоном». Еще более приятным выглядело то, что курсантам, кто еще недавно иногда по полгода без увольнительных сидел и столицы не видел, разрешили ночевать в городе. В девять, после самоподготовки, уезжаешь. И приезжаешь к восьми утра. Ну, шикарно же. На метро покатаешься, где люди ходят не только в военной форме. Себя покажешь, такого красивого.

Правда, счастье это было москвичам. И еще женатиками.

На третьем курсе все начали стремительно жениться, обрывать тещами и детьми. И даже появился женсовет – при нем курсанты собрались юркие, настырные, все время требовали какие-то преференции, чем раздражали всех. Курсант, ответственный за работу этого комитета, отличался завидным энтузиазмом и бестолковой энергией, жить никому спокойно не давал, все права качал, за что его так и прозвали - «самый женатый человек на курсе».

Была одна заковырка. Домой не отпускали двоечников и залетчиков. То есть схватил пару, не пробежал лыжню на время – гуд бай, родной дом. Сиди в «Хилтоне». А так как у Шершнева постоянно что-то там не срасталось, то он нередко зависал безвылазно за фигурным чугунным забором.

Через некоторое время такой жизни становится вообще все равно, что там на воле происходит. Ну, не отпустили в воскресенье в «увал», сидишь, лопаешь за весь курс масло, яйца, на новое кино в клуб сходишь – лепота.

Глава 7

Комсомольцы-активисты. Это была отдельная каста. По традиции лучше всего распределялись по окончании института именно они, ну, еще иногда отличники. Дети хороших родителей были вне этой суеты, у них все всегда было просто прекрасно и расписано на многие годы вперед.

В руководящие комсомольские органы пробирались начинающие карьеристы, которые готовы были выгрызть стальными зубами путь наверх, как горнопроходческая машина. При этом отодвигая подальше такие чувства, как товарищество, совесть. Как ни круги, а это были не самые преданные делу коммунизма люди, а самые ушлые. И выплывали они наверх, часто портя жизнь окружающим, кого-то в чем-то изобличая и по-комсомольски карая.

На юрфаке внесудебные комсомольские расправы над неугодными не практиковались. Но все же пострадавший был – изгнали из комсомола и из института уже на четвертом курсе бедного Леву. Это был двухметровый толстенный детина с наивным улыбающимся лицом, профессиональный залетчик. Конечно, заскоки у него были – грешков накопил немало, и однажды на комсомольском собрании ему все припомнили, в том числе и прослушивание в комнате «Хилтона» на магнитофоне эмигрантских песен. Шершневу и еще пара человек голосовали против того, чтобы его жестоко покарать, но курсанты так завели друг друга, что вполне искренне избавились от «врага народа». Тогда Шершневу понял, что при желании даже самый терпимый коллектив можно накрутить на что угодно и науськать на кого угодно.

Были среди комсомольских номенклатурщиков профессиональные доносчики – это называлось у них принципиальностью. Курсантам, без пяти минут офицерам, по Москве запрещалось ходить в гражданской одежде. По уставу ты всегда должен быть в военной форме. Но помимо того, что обустройства личные дела в таком виде не всегда удобно, а тут еще зверствовала комендатура.

Курсанты сами ходили в комендантские наряды по городу и прекрасно знали, что у офицера в патруле одна задача – записать как можно больше народу за нарушение формы одежды, иначе ему самому будет выговор за бездействие. Поэтому попадание на глаза патрулю означало, что тебя как столб осмотрят и обязательно докопаются. Запишут замечание, а потом из комендатуры в институт придет бумага с твоим именем – и сиди месяц без увольнений. А патрулей много было, чуть ли не на каждой станции метро. И не пройдешь мимо них никак.

Эти гонки с патрулями стали народным спортом. Наиболее отвязанные парни с ними просто дрались. Были такие молотобойцы, которые отбивались боксерскими ударами и перемаливали через забор института ласточкой. Интересно, но последствий это не имело, забор патрули предпочитали не пересекать, а оружие пристрелить нарушителя спокойствия у них не было – в Москве им выдавали только штык-ножи.

Понятно, при таких раскладах все курсанты в увольнениях переодевались в гражданку. Для этого в окрестных домах снимали квартиры – туда еще можно кого-нибудь привести из слабого пола, чайку попить. Скидывались на эти потаенные уголки несколько человек – получалось не так дорого. И вот перед распределением один правдоискатель из комсомольского комитета на комсомольском собрании института выступил и озвучил открытым текстом:

- Многие курсанты ходят по городу в гражданке.

И закатил глаза – мол, более ужасного в жизни ничего не видел. Выдержав паузу по Сталину, продолжил:

- И гражданку они хранят на съемных квартирах.

Заложил так заложил. После этого рейды организовали, чтобы эти самые «схроны» вычислить. И вся малина закончилась.

Такие псевдопринципиальные комсомольцы и догробят через несколько лет Союз. Это была каста приспособленцев, лишенная твердой морали и чувства локтя, но умело держащая нос по ветру. Со временем они перекрасятся из комсомольцев в либералов и еще будут долго терзать народ уже под новыми лозунгами, типа «демократы всех стран объединяйтесь», «Америка с нами». Но до этого было еще далеко. Все казалось настолько прочным и плотно спаянным, что ни в какие социальные землетрясения не верилось...

Глава 8

У убийцы был такой вид, как будто это курсантов привели показать ему, а не наоборот. Он снисходительно кивнул, выражая согласие ответить на вопросы докучливой публики.

Это был четвертый курс. Юрфakovцев загружали в желтые «Пазики» с черными военными номерами, везли по московским улицам и выгружали на территории Института имени Сербского, скрытой за высоким глухим забором с колючей проволокой. По традиции именно там читали юристам со всей столицы лекции по судебной психиатрии.

И там перед курсантами открылся параллельный мир. Где живут внешне такие же люди, как и все, они улыбаются, говорят понятные слова, но что у них в голове – ни понять, ни предсказать невозможно.

Вел занятия блестящий лектор и видный психиатр профессор Кондратьев. Лекции он по традиции иллюстрировал демонстрацией испытуемых – их приводили в аудиторию, им задавали вопросы. В тот день была тема «шизофрения и возникающие в связи с этим сверхценные идеи».

Худощавый, в больничной пижаме, обритый наголо паренек с внимательными требовательными глазами был Великим Хирургом.

В Красногорске жила строгая мусульманская семья. Родители держали двоих сыновей в ежовых рукавицах. Результат налицо – старший получил золотую медаль и поступил в институт имени Патриса Лумумбы на медицинский факультет. Младшенький тоже шел уверенно к золотой медали.

На третьем курсе у старшего началась шизофрения – обрушилась сразу таким заковырившим бредом! Ему пришло в голову, что он Великий Хирург, и в этом его назначение. И он с охотой поведал курсантам, какие восхитительные выводы последовали из этого.

- Великий Хирург должен обладать великой волей. Я же должен был понять, обладаю ли я такой волей. Должен был испытать себя. А как испытать? Кровью. Убить обычного человека – для меня тут вообще никаких эмоций нет. Значит, надо отнять у себя что-то дорогое. Вот я и решил убить родителей.

Мало того, что решился он на это сам, так еще уговорил младшего брата, который находился под гнетом его авторитета. Дальше дело техники. На кухне гантелей по голове отцу и матери. Оба тела в ванную, в которой Хирург должен был найти еще одного подтверждение своей великой миссии – проверить, насколько профессионально он расчленит трупы. Хотя патологоанатомию ему еще не преподавали, судебные медики, которые потом осматривали останки, утверждали, что расчленены они со знанием дела и талантливо.

Останки убийцы собрали в сумки и закопали около дома. Это увидели соседи. А дальше – уголовное дело, арест. Младший брат впал в реактивное состояние и для контакта был недоступен. А Великий Хирург чинно выступал перед гостями Сербского.

- Неувязочка получается, – подал голос один из курсантов. – Ведь хирург – это гуманная профессия.

Великий Хирург посмотрел на него таким пристально-изучающим взглядом, что тому стало не по себе, и холодно произнес:

- Это у вас непрофессиональное мнение...

Наглядно стало понятно, что этот вывернутый наизнанку параллельный мир не только существует рядом, но и готов вторгнуться в обыденность самым жестоким образом...

Дневники другого великого – на этот раз Великого Убийцы. Тетрадные листки, каждый из которых был помечен фирменным логотипом автора записок – могильный холмик с крестиком. Из написанного усматривалось, что суть каждого человека – это светящийся фосфор.

После смерти фосфор вылетает из могилы, ищет жертву, вселяется в нового носителя и заставляет его совершать разные дурные поступки - и убивать, убивать, убивать.

Молодой парень, угрюмый, не такой говорливый, как Великий Хирург, стоял перед курсантами, понурившись. Исполняя повеления фосфора, он зарезал сожителя своей матери – надо сказать, тот, алкоголик и буян, этого заслужил сполна. Но на этом успехе Великий Убийца останавливаться не собирался.

Профессор Кондратьев встал напротив него и, покачиваясь на каблуках, спросил:

- А вот представьте, вы Бог. В какую сторону вы изменили бы мир – в лучшую или худшую?

Испытуемый даже удивился подобному наивному вопросу и хмыкнул:

- Ну, конечно, в худшую!

Еще один психбольной приехал в Москву убивать всех людей в черных очках. Они какие-то потусторонние враги человеческого племени. И приходят за людьми, чтобы их забрать. Нужно их зачистить. Его вовремя взяли – не успел никого прибить.

Обычно курсанты не прочь были прогулять занятия. Но лекции по судебной психиатрии старались не пропускать никогда. В них было что-то завораживающее. Будто шествуешь по кромке между мирами.

В Институте судебной психиатрии имени Сербского алчущим знаний молодым юристам показывали шизофреников, психопатов. Учили различать и их самих, и их мотивы.

- Самые страшные люди – это эпилептики, - утверждал Кондратьев. – Они упрямы, увидев цель, прут на нее, не обращая внимания на страдания других людей. Как государственные деятели они достигают много. Петр Первый, с эпилептическим напором рубивший окно в Европу. Юлий Цезарь. Это болезнь властителей. И эпилептиков отличает крайняя жестокость. Сейчас покажем вам одного из них.

Санитары ввели в аудиторию и усадили на табуретку невысокого полноватого лысенького мужчину в коричневой пижаме, такого милого и уютного, чем-то похожего на Чебурашку. На его губах светилась извиняющаяся добрая улыбка. И глаза тоже такие добренькие.

- Ну, расскажите, Виталий Семенович, как же вы у нас оказались, - попросил Кондратьев.

И Семеныч начал рассказ. Голос у него был мягкий, и речь как у диктора передачи «В гостях у сказки» – в некотором царстве, некотором государстве.

- Да случайно попал сюда. Захожу я домой, в подъезд. Вижу Мария Ильинична идет, хороша-а-ая женщина, соседка моя. Я ей говорю – Марья Ильинична, заходите в лифт. Я вас жду. Ну, она к лифту подходит с сумкой. Руку на ребро лифта положила. Я гляжу, а там пальчики. Ну...

Вдруг его лицо исказилось в безумной гримасе, и Чебурашка превратился в бешенную гориллу. Он подпрыгнул на табуретке и диким голосом заорал:

- Я ударил ее!!! Ударил! Ударил!

Он с размаху захлопнул дверцу лифта - тогда еще было полно лифтов с распашными дверьми, и переломал ей четыре пальца. За что и был препровожден сначала в СИЗО, а потом в Сербского.

На этих лекциях курсанты узнавали массу интересных вещей. Что количество правонарушителей у психбольных и у психздоровых примерно одинаково. И что агрессивное поведение зависит не столько от болезни, сколько от того, кем был воспитан человек - сволочь и садист он по рождению и воспитанию или приличный человек.

- От болезни никто не застрахован, - говорил Кондратьев. – Поэтому к психбольным нужно относиться гуманно, тактично.

С таким у него, правда, были недоработки. Вон, девчонка вместе с подельником, которого она ласково именовала Маугли, занималась квартирными кражами. В СИЗО потребовала себе бумагу и карандаши. И стала одержимо рисовать. Притом рисовала исключительно глаза.

Глаз, смотрящий откуда-то издалека. Глаз летящий. Глаз в виде стрелы. Нарисовано неплохо, но что-то в рисунках было жуткое.

- В камере я поняла, что мое главное призвание – рисовать глаза, - мечтательно произнесла она.

- Ну и рисовала бы глаза! – рыкнул профессор. – Чего по хатам было шарить?!

В общем, с гуманизмом у него самого было как-то не совсем ладно, но при его профессии это простительно. Да и вообще, глядя на то, что творят вошедшие в раж психи, жалеть их мало у кого получается, хотя все и понимают, что они не виноваты.

Говорил профессор и о том, что по статистике где-то три процента населения Земли психически нездоровы.

- К сожалению, и среди вас должны быть такие, - он обводил при этом внимательным взглядом зал, и всегда останавливался на одном курсанте, который от этого тяжелого взгляда сжимался, а потом вообще под любыми предлогами стал избегать лекций.

Лет через пятнадцать, будучи уже заместителем военного прокурора, этот человек загремит в психиатрическую больницу. Удивительно, как его вычислил из сотни курсантов Кондратьев.

Наглядно было продемонстрировано то, что одержимой сверхценной идеей псих всегда убедит в своей правоте нормального человека.

Перед ними стоял деловой, активный парень с очень хорошо поставленной лекторской речью. Это был студент последнего курса биофака МГУ. Изобретатель эликсира молодости. Эликсир-то он изобрел, но для его изготовления нужно было четыре тысячи рублей. За ними энтузиаст и полез в упакованную квартиру.

Общение с ним превратилось в длинную лекцию. Курсанты такие слова впервые слышали – мембраны, анионы, какие-то формулы.

Когда его увели, один из юристов сказал:

- А может дать ему эти деньги. И изобретет он свой эликсир,

- Не изобретет, - отрезал Кондратьев. – Их бред непродуктивен.

Но сила убеждения у психов потрясала. Еще тогда, на лекциях, Шершнев по этой их бешеной внутренней убежденности научился распознавать скорбных разумом. Они обычно очень серьезны и целеустремлены, у них нет самоиронии. И они потрясающе умеют заводить массы. Поэтому в смутные времена они успешно лезут в политику, кидаются на митингах толпы на баррикады.

- На Западе нас упрекают, что мы держим в больницах диссидентов, - вздыхал Кондратьев. – Что даем им неверные диагнозы. Но я вас заверяю – они такие и есть, психически больные люди, подлежащие изоляции.

Любимым занятием профессора было препарировать всяких исторических деятелей, классиков литературы.

- Ну, посмотрите, вон, Серебряный век – половина поэтов страдали психическими заболеваниями. Оскал бокала – звучит красиво. Но это типичные формальные ассоциации, лишённые какого-то содержания. Это свойственно психбольным.

Легко он ставил диагнозы светочам культуры. Пушкин – маниакально-депрессивный психоз, и Болдинская осень – маниакальная фаза. Есенин – белая горячка. Блок – наркотическая зависимость. И по исследованиям американцев две трети поэтов психически больны, четверть нуждается в немедленной госпитализации – речь идет о хороших поэтах. Достоевский эпилептик – такой вязкий литературный стиль и застревание на подробностях для них типично.

У шизофреников порой проявляются неожиданные способности к точным наукам и комбинаторике. Кондратьев говорил, что консультировал одного чемпиона мира по шахматам – фамилию, понятно, утаил. Так тот считал, что самые умные существа на Земле – это крысы.

Возил с собой везде клетку с крысами и перед ответственными матчами откусывал одной из них голову.

Не оставлял профессор без внимания и современную советскую эстраду. Выходило, что нормальных там не шибко много, особенно из модных.

Бред сутяжничества. В палате института Сербского сидел профессиональный сутяжник. Чтобы не было приступов, ему выделили печатную машинку и бумагу. Каждый день он писал в среднем семьдесят страниц жалоб в разные органы. При этом никогда не путал названия, руководителей. Все письма были написаны отличным бюрократическим языком с системой убедительных доводов. Вечером плоды его творчества забирал санитар. А утром все начиналось снова.

Бред толкования. Больные им очень убедительны. Перед очами курсантов возник затюканный мужчина рабоче-крестьянского вида. Он просто задолбал весь КГБ письмами о том, что его соседка шпионит на ЦРУ. На вопросы отвечал сначала скованно, но потом раззадорился:

- К ней приходят разные люди. Она все время оглядывается. Проверяется. Нечисто дело!

Его доводы выстраивались в такую крепкую и логичную цепочку, что хотелось тут же поднять опергруппу на захват продавшей буржуйам соседки. При бреде толкования сознание вычленяет из потока обыденных фактов именно те, которые могут подтвердить бред, и толкует в нужную сторону. И так справно все получается.

Некоторые психи ничего не толкуют, не пишут. Они в задумчивости. Институте Сербского прописался человек-птица. Никого не тревожил, просто целыми сутками сидел на спинке кровати в позе сокола, вцепившись в металлическую трубу пальцами рук и ног. И курлыкал. Правда, во время обеда и на сон слезал.

Все самые страшные убийцы – серийщики, бандиты, проходили тогда через Институт Сербского. За год до того, как Шершневу выслушал курс лекций, там признали вменяемым абрека Хурцелаву - абхазского бандита, виновного в том, что он пачками клал из автомата в горах конкурентов. Человек феноменальной физической силы, который умудрялся выбивать рукой двери камер. Когда его приговорили к смертной казни, он дебоширил, объявил, что не сдастся. Взяли спортсменов из группы захвата МВД Грузии, заломали его, как миленького, так что ничего сделать не смог. И шлепнули по приговору суда.

Такие вот чудеса были совсем рядом, за глухим московским забором...

Глава 9

Был во ВКИМО факультет иностранцев – готовили юристов для военных структур всего дружественного мира строящегося социализма.

Это люди были забавные. Монголия присылала угрюмых офицеров с прищуренными холодными глазами степных воинов, которые ни с кем не откровенничали, жили своей жизнью, ничего не нарушали и держались строго.

Кубинцы – их все любили. Подвижные, жизнерадостные, доброжелательные. На Острове Свободы особое внимание уделялось спорту и здоровью народа, так что они все как на подбор были спортсменами, гимнастами и каратистами. Карате тогда было запрещено в СССР, а на Кубе чуть ли не обязательно, и кубинцы устраивали показательные спарринги. Во ВКИМО рукопашку преподавал знаменитый Тадеуш Касьянов, а стиль у него жесткий. И русские каратисты говорили, что ударная техника у кубинцев никакая, это был больше балет, чем драка. Но выглядело красиво.

Учились кубинцы очень напряженно. Поговаривали, что неуспевающих вполне могли отозвать на Родину и там отдать под трибунал за то, что нерадиво расходуют государственные деньги и позорят перед старшим братом Остров Свободы. Кто его знает. Но по ним удрученности заметно не было. Люди очень позитивные, общались в рамках дозволенного открыто и с готовностью.

Отдельная песня – афганцы. Они проявляли потрясающие способности в освоении языка. Буквально через пару месяцев они уже вполне свободно лепетали по-русски. На этом их учеба заканчивалась – они уходили в фарцовку. Постигание премудростей юриспруденции их не интересовало вообще.

В СССР дублинки стоили по тысяче рублей при зарплате в сто пятьдесят, да и тех не было. А в Афгане этих дублинок завалили. Вот слушатели их и ввозили, продавали, а обратно увозили часы, калоши, утюги, примусы, всякую ерунду, которая в Союзе и за товар не считалась, а там ценилась сильно. Восторг восточного человека – торговля. Остальное суета...

Глава 10

За четыре года службы курсанты привыкли, что в табеле о рангах они никто – бесплатная рабочая сила на кухне, караульные, уборщики, зачем-то иногда почитывающие учебники по юриспруденции и сдающие какие-то экзамены. По сути своей обычные солдаты, чья голова забита всякими ненужностями типа уголовного процесса и криминалистики, которые непонятно где и когда в быту пригодятся. Притом было полное ощущение, что так будет веки вечные. Горы сотрутся и моря высохнут, а курсанты Четвертого факультета все еще будут ходить в караулы и на кухню.

И тут практика – сначала следственная, потом прокурорско-судебная. И вот попадаешь в совершенно другое качество. Тебя объявляют приказом и.о. следователя, выдают прокурорское удостоверение, по которому к тебе ни один патруль докопаться не может, поскольку особый статус. И ты из черного раба превращаешься в белого пока еще не господина, но так – господинчика. Офицеры, которые тебя гоняли за то, что ты честь не так отдаешь, не так свиستیшь, не так голос подаешь, уже смотрят с опаской – а что ты, сволочь такая, накопишь в его части и лично на него. Конечно, он может тебе попенять, что ботинок не чищен, но сделать ничего не может без риска превышения полномочий. Красота!

И тут выясняется, что голова у тебя забита вполне востребованными знаниями. И учили тебя неплохо.

В первый же день работы следователем Шершневу расколол взяткодателя, которого безуспешно колола вся прокуратура. Включая зампрокурора. Поплакался Иван с ним друг у друга на груди, выслушал о его нелегкой судьбе, и тот со словами «Далеко пойдешь, курсант» выдал явку с повинной – кому и за что давал взятки.

Суть состояла в том, что командир автомобильной роты внутренних войск умудрился организовать небольшой гешефт – вместе с гаишниками оформил от своей части несколько сот левых водительских удостоверений, продавал их за две сотни рублей всем желающим. В основном тем, кто по-другому получить не мог – там попадались и увечные, и один дальтоник, который тут же на радостях сел в машину, не увидел сигнал светофора и врезался в столб. Вызывали на допрос даже секретаря райкома, что по тем временам было вообще чем-то невероятным.

Всяко бывало в процессе расследования. Один свидетель принципиально отказывался приходить на допрос. Вот Шершнева и бросили в прорыв – скатайся, объясни человеку.

Застал он на квартире насупленного, озлобленного джентльмена, уже в возрасте, и сухо полюбопытствовал:

- Повестку из военной прокуратуры получали?

- Ну, получал.

- Почему не приходите?

- А я никакого отношения к армии не имею! И ходить по всяким военным прокуратурам не намерен! – с вызовом и злостью объявил мужчина.

- Военная прокуратура обладает точно такими же правами, как и гражданская. В том числе вызывать кого угодно в качестве свидетеля.

- Никуда я не пойду!

Тут Шершневу возьми и брякни с видимым удовольствием:

- Тогда в наручниках по двору поведут. Перед всеми соседями.

Он даже побоялся, что этот свидетель или кинется на него, или со злости от инфаркта рухнет. Тот похватал немножко воздух ртом, потом резко бросился в дальнюю комнату, вышел уже в пиджаке.

- Ну давай! Сейчас поеду! И все там расскажу! Как ты честных советских людей в кандалы заковать обещаешь! Все скажу!

И правда – тут же отправился на допрос. В ходе него как-то забыл про нахального молодого человека с наручниками. Даже жалобы не написал...

В общем, поняли курсанты, что учили их не зря. Что они кое-что могут. И что у них есть реальная власть от имени государства. Не то, чтобы всех сильно тянуло к власти, но все же у курсантика, который еще вчера выгребал пищевые отходы и драил паркетные полы, от этого голова кружилась сладостно.

Потом прокурорская практика – там вообще ты король, потому что при должных усилиях можешь так напроверять, что командир вылетит. В каком-то стройбате Шершневу накопал несколько палок – мордобития и прочее. Командир чуть не плакал, умоляя – забудем. А Шершнев: у меня старший есть, пусть он и принимает решение.

В общем, самолюбие свое курсанты приподняли нормально. И работать научились на практике, а не в теории.

Интересной была практика в трибунале в Северо-Кавказском военном округе в Ростове. Там впервые Шершнев увидел дела тридцатых годов, решения троек, приговоры времен войны, которыми были завалены все архивы. «А еще он говорил, что немецкий шнапс лучше. Штрафная рота».

Много интересных дел трибунал в Ростове рассматривал. Именно там приговорили к расстрелу офицера КГБ. Тот при зарплате триста рублей набрал около миллиона рублей взяток со священников, которых курировал – без его ведома ни один перевод в новый приход не мог состояться. А денег в церкви было предостаточно.

С практики приехали курсанты – и опять к нарядам, караулам и в столовку. В общем, снова ты вовсе и не белый человек, а негритенок на плантации. И можешь только первокурсникам втирать о своей нереальной крутости – они на тебя смотрят с уважением, поскольку ты был на следственной практике, а они даже не знают, доживут ли до нее...

Глава 11

Распределение - это было феерическое шоу. Началось с изумления «покупателей» из трибунала.

Судьями трибуналов назначали с двадцати пяти лет, а выпускники были в основном младше, поэтому их сначала отправляли начальниками канцелярий. В трибунале всегда считалась работа солидная. Во-первых, трибуналов меньше, чем прокуратур, и они обычно в больших городах, а не в каких-то глухих деревнях. Во-вторых, судьи получали больше. В-третьих, работа гораздо спокойнее. В-четвертых, была возможность уехать в загранку – в группу войск. Поэтому трибунал всегда забирал лучших, отличников, зная, что они согласятся на это.

Этот же курс был каким-то сдвинутым по фазе. Парни наслушались лекций по криминалистике, насмотрелись на профессора Кондратьева в Сербском. И им всем вдруг сразу захотелось примерить на себя личины непримиримых и беспощадных следователей - борцов с уголовной преступностью, которым суждено изменить криминогенную обстановку. В результате в трибуналы почти все идти отказались. И трибунальские кадровики чуть не плача зазывали к себе. Но кое-как упаковались. Уговорили.

Несколько человек попали в юридическую службу – юрисконсультами. Кто-то уехал военным адвокатом – такая должность имелась в зарубежных группах войск, где гражданского адвоката взять неоткуда. Но основная масса – это «рабочий класс», следователи прокуратуры. И вопрос главный – кто куда поедет?

Самый престижный, естественно, Московский округ. Он был зарезервирован для особо выдающихся детей и внуков. Все там расписано уже давно, на него можно не надеяться и туда не стремиться.

С первого курса командиры внушали курсантам: «кто лучше учится, тот лучше распределится». Может, когда-то так и было. Но во время этого выпуска прокурор Среднеазиатского округа накатал гневную бумагу в ГБП, что ему присылают из института одних двоечников. Так и было - туда отправляли самых залетчиков. Идя ему навстречу, в этот год всех отличников взяли и запихали в Узбекистан, Казахстан. Лучший друг Шершнева, умница, трудолюбивый до безумия, вечный отличник, уехал в Киргизию, где ему было суждено несколько лет обслуживать всю Республику, не вылезая из самолетов и поездов.

Забайкальский военный округ, печально знаменитый ЗаБВО, что в народе переводили, как «Забудь Вернуться Обратно». Лыготной зоной он не считался, в отличие от Северов, и служить там могли десятилетиями, перемещаясь из каких-то там деревень в Монголию и обратно. Его тоже решили разбавить отличниками.

Один из красноплодников с каменным лицом выслушал приговор кадровика, который ласково распинался:

- В Лесогорск ЗАБВО едете. Да, климат там тяжелый. Оперативная обстановка сложная. Квартир нет. С продуктами неважно. Но вы не бойтесь, лет через десять мы вас заменим.

Отличник не выдержал и процедил:

- Да пошел ты на три буквы...

Ну, ничего, тайга его обточит, многому научит, так что в будущем он вернется в Москву заместителем прокурора гарнизона, а потом зам. начальника военно-следственного управления по Москве, так что у него заслуженно все сложится отлично, благодаря недюжинному уму и трудолюбию.

Шершнев попросился в Закавказье – там тепло и города большие. Туда его и направили. В компании уроженцев тех благословенных просторов.

Как раз вышел очередной приказ, их ежегодно дублировали – кавказцев в родные края не направлять. В развитие этого приказа все кавказцы туда и поехали. У них обстоятельства

были исключительные – бабушка больная, коза хромает, урожай падает. В общем, бред, но проходило, что вызывало большие вопросы к кадровой службе

Шершнева ждал Тбилиси. У его семьи там полно знакомых, бывал там с детства и считал, что повезло по-крупному.

Но очень скоро ему предстояло понять, что везение – вещь эфемерная, рассчитывать на него могут только дураки и баловни судьбы...

Часть вторая

Контора на краю Империи

Глава 1

Тбилиси – город красивый, колоритный, приятный и праздный. Река Кура несет свои мутные воды мимо древних христианских храмов, над городом нависают горы, придавая ему игрушечный вид. Старинная застройка по традициям персидских оккупантов. Хачапури, шашлыки, вкуснейшие газированные воды Логидзе и какая-то общая беззаботность, плавно переходящая в безалаберность. Видно, что это теплый город прожигателей жизни, а не вечных тружеников, как какой-нибудь заснеженный Нижний Тагил. Всесоюзный заповедник цеховиков, расхитителей государственного имущества, центр застолий и сокровищница природных красот.

Жаль только пожить Шершневу там так и не удалось. Потому как в ходе каких-то мутных манипуляций на уютное местечко в прокуратуре ПВО нашлась более достойная кандидатура. Так уж случилось, что университет закончил сын одного из Тбилисских милицейских начальников, человека влиятельного и богатого. И сынку очень захотелось послужить в военной прокуратуре. Желание заказчика – закон для продавца. Точнее, для кадровиков военной прокуратуры Закавказского округа.

Шершнев перешагнул порог кабинета, где решались кадровые вопросы и судьбы. Глаза у кадровика воровато бегали, и сразу было видно – ему страшно хочется выкрутиться из ситуации с наименьшими нервными и административными издержками. И он начал обволакивать молодого следователя ласковыми, тягучими и вместе с тем угрожающими речами.

Мол, не обижайся, лейтенант, вышла накладочка. Зачем тебе этот Тбилиси, зачем тебе это ПВО, когда есть масса замечательных мест? Ну а для тех, кто это не понимает, имеются вовсе не замечательные места. Вон, на Афганистан разнарядка пришла, там как раз молодых следователей не хватает. А Ваня красавец, как раз созрел для длительной заграничной командировки. Насколько длительной? Да пустяки – пара лет всего. А оттуда – в Россию, в Забайкалье, там красиво, сосны, озера. Выдав этот набор убеждения и принуждения, кадровик отправил Шершнева подумать и передал его в руки сынка важного чина.

Сынок был мальчонкой здоровенным и ушлым, начал елеинно подкатывать – мол, войди в положение. И тут же предложил, небрежно крутя на пальце ключи от собственных «Жигулей», завалиться в ресторан, а потом двинуть по девкам. Похоже, у него было с этим все налажено.

От девок и ресторанов Шершнев гордо отказался. А вот на предложение кадровика пришлось соглашаться. И когда он сказал «да», то увидел в нем счастливого человека и вообще лучшего друга молодых следователей.

Кадровик начал выкладывать щедрые предложения – военные прокуратуры в Ахалцихе, Ахалкалаки и прочих дырах. В них была масса преимуществ – изумительные пейзажи, приятная провинциальная скука и полное отсутствие авральной работы. Это места, где следователи не пашут, как проклятые, а все больше отдыхают. Если в том же Тбилисском гарнизоне у следователя было по десять-двадцать дел в производстве, то в тех дырах – одно, два, да и то не всегда. И еще ощущаешь себя хозяином жизни. В подобных местах военная юстиция – это сильно уважаемые люди, притом как для военных, так и для гражданских.

Но в дыру что-то не хотелось. Да и безделье не тянуло, работа не пугала, нужно было приобрести побольше опыта. Поэтому Шершнев вздохнул и произнес с тоской:

- Баку.

Выбор несколько пугал. Все же Ваня в столице Азербайджана ни разу не был. Знал, что там куда жарче, чем в Тбилиси, что это город нефтяников и ветров на берегу Каспийского моря.

В общем, начиналась служба у Вани в органах военной юстиции как-то странно, неправильно. Но ничего не поделаешь. Выбор сделан.

Огромный кожаный чемодан с ремнями, забитый в основном военной формой, в руке. Тяжеленный, гад, хоть носильщика бери на вокзале, но это было бы позорно. Поздним вечером – поезд. Ночь в пути. И утром вот он – Баку.

Шершневу, когда он сделал первый шаг в новом городе, стало как-то не по себе. Будто с шелестом перевернулась страница его жизни. И впереди – новая глава.

Как все сложится? Что будет? В душе мысли, надежды, прогнозы так и теснились, захлестывая сознание. Но даже в самых диких фантазиях он представить себе не мог, что ждет его на этих прожаренных солнцем старинных улочках.

Жара и правда была крепче, чем в Тбилиси. Да еще дышать тяжело из-за большой влажности – все же Каспий рядом. Шершнев в форме, с огромным чемоданом, трясся сперва на троллейбусе. Потом поднимался по казавшейся ему бесконечной горе к Сальянским Казармам. Чемодан хотелось просто выбросить. Но куда же без него?

Наверху его ждал военный городок, где расположились части Четвертой армии – штаб Шестидесятой мотострелковой дивизии, кадрированные танковый и два мотострелковых полка, батальон связи и склады артвооружения. А вокруг – жилые дома, гарнизонная поликлиника. Там же окружная гостиница «Красный восток». Напротив нее – скромное старинное двухэтажное здание с верандами. На первом этаже – прокуратура гарнизона. На втором – военный трибунал.

Ну, здравствуй, новое место работы. Здравствуйте, товарищ прокурор и коллеги. Нам теперь вместе работать...

Глава 2

Прокурор Алексеев был спокойный, как танк, по-буддистски непроницаемый и страшно хитрый. Уже подполковник, а первое прокурорское кресло получил будучи еще капитаном, когда стал самым молодым прокурором округа, что говорило о его весомых профессиональных и исключительных интриганско-дипломатических качествах.

На нового следователя он глядел оценивающе, пытаясь понять, что за кот в мешке ему подсунули на этот раз. Худющий Шершневу имел вид студента, заблудившегося по случаю и очнувшегося в военной юстиции с погонами на плечах.

- Работа напряженная, - размеренно вещал Алексеев, не сводя с новичка проницательного взора. - Дел в производстве у следователей много. Больше всех в Закавказском округе. Основную массу преступлений дают военные строители.

- Бегут? – с сочувствием спросил Шершневу.

- Бегут. Еще как бегут. Особенно летом. Как животные в период миграции. Так что обстановка напряженная. Но контролируемая. Легкой жизни не обещаю. Но без помощи не оставим.

Это было и так понятно. Легкая жизнь осталась в Тбилиси, в прокуратуре ПВО, где дел вообще почти нет. Или в отвергнутых Ахалкалаки и Ахалцихи. Но есть люди, не созданные для легких путей. Стоит найти теплое место, как судьба снова выталкивает их на тернистый путь. Шершневу всегда был из их числа, и ему предстояло оставаться таким всю жизнь.

Дальше все закрутилось с какой-то невероятной скоростью. Шершневу выделили отдельный кабинет – в гарнизонной прокуратуре таковой был у каждого. Он занимал застекленную веранду – огромный, с множеством столов и шкафов, забитых бланками процессуальных документов. Но простор не радовал. В помещении было жарко, душно, дышать невозможно, а окна не открывались.

Оставалось закинуть чемодан в военное общежитие, где для него уже была забронирована солдатская койка с серым одеялом. И на следующий день – в бой.

Назначили ему наставника – Арамаиса Сергеевича, такого гладкого и себе на уме армянина-капитана, фанатика следственной работы, который искренне хотел передать опыт своему новому воспитаннику. В его сейфе лежала опечатанная аудиокассета, и он с гордостью объявил, что первым в окружной прокуратуре использовал съемку на видеомagneтофон.

Прапорщик порезал жену. Потом начал врать, что это случайно вышло, несчастный случай. Но при следственном эксперименте на экране было явно видно, что его трактовка лживая, тяжкие телесные причинены умышленно. Дело готовилось в суд, и помпрокурора был горд. Ну, что, для этого имелись причины. Расследовано действительно хорошо. Истина откопана, как клад, томившийся в подвале.

Шершневу в торжественной обстановке на утренней летучке вручили первый материал. Его пальцы немножко подрагивали, по ним будто электричество проходило, когда он печатал постановление о возбуждении уголовного дела. Этот сакральный момент был как мистическая инициация. С этой секунды становишься частичкой государственной власти и сам становишься властью. Это грело и электризовало.

Дело, понятно, по бегунку. Дитя азиатских гор и степей оставил без всякого сожаления свою часть и забился в какую-то нору в Баку. Был выловлен. И теперь Шершневу собирал на него характеристики, проводил военно-врачебную комиссию и амбулаторную психиатрическую экспертизу, проверял на причастность к другим преступлениям. Запрашивал справки о судимости. И, главное, выяснял, не били ли его в части, не подвергали издевательствам?

Не били. Не подвергали. Чего бежал – и сам не знает. В части быть не захотелось. А уйти захотелось. А если очень хочется, значит, надо.

Первое дело Шершневу вылизал так, что невозмутимый прокурор благосклонно оценил:

- Очень неплохо. Держись так дальше.

Держаться оказалось совсем не просто. В дальнем углу кабинета стоял здоровенный двух-камерный сейф, который стал стремительно заполняться уголовными делами и материалами доследственных проверок. И вскоре Шершневу просто утонуло в них, понял, что такое язык на плече.

Бесконечная вереница потрепанных, зло смотрящих правонарушителей всех видов и сортов в строительных бушлатах, с черными петлицами и военно-строительными эмблемами. Дознаватели, материалы, допросы, запросы. И планы следственных действий на неделю, которые вечно нарушались.

И так изо дня в день, из месяца в месяц. Дела. Тянули дела ко дну. Куда-то в сторону нервного срыва и потери интереса к окружающей неуютной реальности.

- Суббота у нас рабочий день, а в воскресенье приходят желающие, - ласково вещал прокурор, глядя на свою паству – замученную, замордованную, с нездоровым цветом лица.

Желающих было на удивление много – иначе вообще не успеешь ничего.

Вот и сидел Шершневу по выходным на своей веранде, с тоской глядя, как люди с семьями, в компании идут отдыхать, едут на море, приземляются в кафешках на набережной.

С такой же тоской смотрел в институте в выходные дни за забор, где ходили свободные люди. Да, со свободой у него как-то не складывалось.

А рядом был огромный, таинственный, во многом непонятный город, который так и не удавалось полноценно исследовать.

Баку - город контрастов. Лишь иногда, приподняв голову от работы и приостановившись в беге белки в колесе, Шершневу вдруг осознавал – а он ведь на чужой земле. Где все не так...

Глава 3

С первых дней в Баку Шершнева больше всего удивляли бесчисленные чайханы. Разгар рабочего дня, а они все заполнены мужчинами самого работоспособного возраста. Те сидели, пили из стеклянных стаканчиков в форме груши, именуемых армудами, чай, хрустели сахаром вприкуску. И никакого намека, что они когда-то работали, где-то работают или когда-нибудь собираются работать. При этом даже молодые люди сверкали золотыми улыбками во весь рот, как цыгане. И даже в теплую погоду норовили нацепить на себя кожаное пальто и ондатровую шапку. Потом что богато. А зачем богатство, если его вызывающе не демонстрировать? Золотые зубы и кожаные пальто – это статус. А статус на Кавказе – это все.

Какими-то урывками Шершневу пытались осознать, где живет. Уяснил, что город полностью интернациональный. Азербайджанцы даже не были там большинством. Огромное количество армян, русских. И, в основном, звучала русская речь. Некоторые азербайджанцы с трудом изъяснялись по-азербайджански. При этом никакой межнациональной розни не наблюдалось... До поры до времени.

Но уже начиналось закрадываться и в быту, и в некоторых статейках в рамках гласности и перестройки, что не все так гладко с интернационализмом, что счета исторические не закрыты, да и вопросы остаются – кто кого резал, кто кого угнетал, чья земля, чей язык? И люди начали посматривать на соседей иной национальности уже с подозрением. Но пока исподволь. Только намеки на будущее. На жуткое будущее.

Еще Шершневу понял, что символом Баку является его величество «Рубель». Все стоило «рубель». Сорокакопечные сигареты «рубель». Полтиничный обед – «рубель». Сдачу требовать считалось неприличным. Когда какой-нибудь приезжий заикался – а где сдача с «рубеля», обычно продавец с презрением загребал кучу мелочи – там было больше рубля, и презрительно восклицал, кидая ее на прилавок: «подавись!»

Кавказская специфика. Где с тебя можно что-то содрать, обсчитать и насчитать – это сделают обязательно. Вся жизнь республики проходила в этой теплой атмосфере – как бы найти этот самый «рубель». У особо активных этот «рубель» постепенно превращался в миллион. У других – так и оставался «рубелем», но зажить его нужно было обязательно.

Шершнева это не слишком удивляло. С детства посмотрелся на подобное в Грузии, где бывал постоянно, отдыхая с родителями у знакомых. Но в Тбилиси все как-то более бесшабашно – да, у тебя возьмут «рубель», но потом с тобой же и пропьют. В Азербайджане оборот «рубелей» был более серьезным, системным. И, как потом выяснилось, четко организованным.

И все бы ничего, но это вращение «рубелей» и неисчислимые факты хищений социалистической собственности, возведенные в систему, резко наращивали денежную массу. И взвинчивали цены – неофициальные, конечно, официальные мало кого интересовали. Услуги, еда, все-все – цены просто распухали от «рубелей». Нет, конечно, в обычном магазине с тебя в наглую лишку не возьмут, хотя, естественно, обсчитают, как только смогут. Но кафешки, дефицит, всякие бытовые моменты – там деньги просто текли между пальцев, не задерживаясь. Военным еще ничего, жили они своей обособленной жизнью. Местным было хуже. Любой визит к врачу или в райисполком – плати «рубель».

Получал Шершневу неплохо – двести семьдесят рублей. Это к тому, что начинающий инженер – сто двадцать, врач – сто. А милицейский следователь или командир взвода – двести двадцать. Денег достаточно, чтобы прекрасно чувствовать себя в любой точке СССР. Кроме Закавказья, конечно. Там вездесущий «рубель» просто опустошал карманы. Но в целом жить было можно. Ну, как жить – жизнь, в основном, работа. Почти без продыха.

Как какой-то метроном отмеривал день за днем. Вечером молодой следователь возвращался из конторы в общагу. Общага, как много в этом звуке. Там жили прапорщики и полков-

ники какой-то странной общностью. Можно сказать, дружным колхозом – когда у тебя чего-то нет, можно запросто позаимствовать у соседей, когда тебе не с кем пообщаться – можно пожаловаться на жизнь другому соседу.

Шершневу пихал незакрытую дверь, снимал плащ и фуражку. Сосед по комнате Сергей Сергеевич начинал излагать ему тонкости извлечения чистейшего, как слеза, спирта из оружейной системы самолета-истребителя. Иногда с демонстрацией результатов своего труда.

Сергей Сергеевич был добродушный, широкий в кости подполковник – дежурный по ВВС Ставки. Приехал с севера. Семья пока оставалась там, а он ожидал получения просторной, как ему обещали, квартиры.

- Там с бутылкой даже не суйся. Там только канистрами набирают, - он с придыханием продолжал расписывать священный акт добычи волшебного эликсира из самолета.

Поскольку он числился над летунами начальником, то спирта у него было залейся. И очень часто он любил его откусывать. Но в целом был человеком приличным и покладистым. Проблем не создавал. Проблемы создавала работа. Ее вал рос, как снежный ком.

Пропустив мимо ушей спиртовые премудрости, Шершневу валился на кровать. И отключался сразу. Чтобы утром нехотя продрать глаза. Ну что, снова в бой!

Автобусная остановка около общаги. Рядом с ней - киоск Союзпечати. О, сегодня как раз пятница, выходит толстая газета «За рубежом». Шершневу покупал ее постоянно. Его не столько интересовали международные дела, сколько всякие научные сенсации, которыми были заполнены последние страницы издания.

Переполненный автобус. Остановка. Еще минут десять в гору. Вот она, военная прокуратура.

Утреннее совещание. Разбор полетов. Шершневу с каждым днем доставалось от прокурора все больше за бардак в делах. В общем, справедливо доставалось. Но с потоком бумаг он просто не мог справиться. Они душили его. Они давили ему на грудь и на совесть – потому как их всегда не хватало, нужно было производить их все больше. Прокولات, постановления, справки, планы.

«Тону!» – хотелось заорать Шершневу.

Но прокурор был вовсе не спасателем на водах. Он не собирался протягивать руку. Он был прокурором и обличал.

И трети задуманного сделать не успел, а уже обед в «Красном Востоке» - через дорогу. Военторговское кафе при гостинице в народе прозвали «Кафе бифштекс». Там кормили исключительно бифштексами, из которых умело и бескомпромиссно изымалось почти все мясо, заменяясь на питательный, но копеечный хлеб. А начиная от полковника, или более высоких персон, кормили свиными отбивными, что приводило плебс в ярость и наталкивало на мысль о хронической нехватке социальной несправедливости.

После обеда его уже ждала толпа. Дознаватели, их подопечные, дезертиры и самовольщики.

В кабинет зашел капитан - командир роты стройбата.

- Проведите с ним воспитательную работу, - попросил, таща за ухо своего особенно спокойного подопечного. – Он плохо себя ведет.

И хлоп на стол личное дело нарушителя. Шершневу его пролистнул и задался закономерным вопросом – а как может себя вести человек с тремя судимостями?

- Готовься, на четвертую ходку, - сказал он тупящему взору военному строителю-рецидивисту.

Что такое стройбат? Чтобы было понятно – туда, как в анекдоте, призывали зверей, которым оружие страшно давать. А попросту – диких детей гор и степей, разных ранее судимых, олигофренов в степени легкой дебильности, которых по существовавшим правилам нельзя было призывать в обычные части. Так что контингент там собирался соответствующий. Это, в

зависимости от национального состава, было чем-то вроде банды батьки Махно или басмаческого отряда. Но чтобы с тремя судимостями призвали – это было для Шершнева откровением.

- Все понял? – в конце разъяснительной беседы настойчиво спросил у строителя следователь.

- Так точно! – вытянулся во фронт военный строитель, демонстрируя всем своим видом преданность армии, уставу и лично командиру роты и следователю.

А Шершнев рассмотрел в его глазах упрямый бесовской, немножко безумный, огонек. И понял, что этот тип ничего не понял. Только прикидывается. И быть ему и правда с четвертой судимостью...

Так, политработником поработали, теперь уже пора и следователем побыть.

Конвоиры с военно-строительной комендатуры приволокли очередного бегунка.

Бежать из стройбатов обычно начинали с приходом тепла. Эти вольнолюбивые натуры просыпались с лучами солнца, как ящерицы, у них возвращался интерес к жизни и обуревала неудержимая охота к перемене мест. Зачем идти, куда, почему – не важно.

Черт, ну зима же уже настала. А число бегунков все растет, что нетипично. Почему? Нехорошо это все. Вспомнились дикие животные, которые срываются с мест и начинают метаться, бежать в предчувствии землетрясения.

Да, у Шершнева тоже было ощущение наползающей на страну глобальной встряски. Пока еще неясное. Но крепнущее со временем.

А строители бежали. Можно было для Шершнева спокойно вводить новую должность – следователь по самовольщикам. Других дел ему пока не давали. Не дорос.

Иногда у него создавалось ощущение, что весь УИР собрался сняться с места и податься в бег. Великое переселение военно-строительных народов...

Глава 4

- Ты зачем ушел? Тебя били? – спрашивал Шершневу у тщедушного и насупленного, как зверек, туркмена.

- Никто не биль! – гордо отвечал тот.

- Зачем бежал?

- В Красноводск хочу,

- Ты в Красноводск ехал? – удивлялся Шершневу. - Ты же совсем в другую сторону направлялся.

- В другую, - угрюмо кивал туркмен.

- А зачем бежал?

- В Красноводск хачу-у-у!

Вот и весь разговор. Хочется. Это самое хочется могло быть совершенно разным. Кому-то хотелось домой. Кому-то от пуза пожрать. Кому-то к девкам.

Гарнизонная прокуратура – это такой конвейер по распределению свободолюбивых личностей по дисбатами, исправительно-трудовым учреждениям и психушкам. И основную массу, конечно, давал УИР.

В Баку в 1984 году в рамках новой структуры управления войсками была образована ставка южного направления, которой подчинялись Северо-Кавказский, Закавказский и Туркестанский военные округа, а также Каспийская военная флотилия, сороковая армия, воевавшая в Афганистане. В столице Азербайджана и ее окрестностях началось грандиозное строительство. Возводили тщательно замаскированные командные пункты, уникальный вычислительный центр, обладавший какой-то невероятной степенью защиты, штабные комплексы, целые районы жилья для военных.

Гораздо позже, в другую историческую эпоху, у Шершнева возникнут недоуменные вопросы и стойкое ощущение, что перед развалом Союза на эти великие стройки в Азербайджане решили ухнуть как можно больше средств и ресурсов. После развала СССР из возведенных объектов России, понятное дело, не достанется ничего, да она, щедрая душа, и не будет просить.

Для строительства всего этого роскошества был создан целый УИР – управление инженерных работ, с подчинявшимися ему Управлениями начальника работ – УНР. В них входило множество разбросанных по Азербайджану стройбатов, тысячи, если не десятки тысяч, военных строителей. Всего в СССР было более трехсот тысяч военных строителей. Такой приличный город.

Контингент очень специфический. И свободолюбивый. Некоторые военные строители вообще не понимали, где очутились. Жил он себе мирно пас усердно коз, а тут приехал большой бай на машине – военком. Взял за шкуру – и на призывной пункт. Одели бедолагу в форму, вручили лопату и говорят – копай. Зачем копай, почему копай, для кого копай? Никто не объясняет, только снова говорят: «Копай, два солдата из стройбата заменяют экскаватор». И старшина-шайтан ругается и дерется. А пойду-ка отсюда!

По традиции для выполнения плана военкомы в той же Средней Азии, кузнице военно-строительных кадров, гребли всех подряд - хромых, глухих, увечных. Как в гражданскую войну. Приходилось потом увольнять людей пачками после таких призывов.

Свободный нрав военных строителей порой никак не вписывался в строгие рамки армейской реальности. И тянуло их туда – к горизонту, где на зеленых тучных полях возлегают рядом львы и агнцы. Короче, дикое ощущение дискомфорта от армейской регламентации и желание послать все это к такой-то матери приводило к тому, что однажды, воткнув в землю лопату, как винтовку в стойло, служивые отправлялись в бега.

Бегунки эти были похожи на какую-то полуразумную форму жизни, существующую больше инстинктами и неосознанными порывами. Больно тебе, неуютно – бежать прочь. Запахло едой и сладким – двигай на запах. Стремись туда, где тепло и мухи не кусают. Долг, дисциплина, ответственность – это все абстрактные понятия, которые находятся вне сферы их осознания.

При этом бегунки проявляли потрясающую изворотливость и приспособляемость к невзгодам окружающей среды.

Помпрокурора Арамаис Сергеевич любил порассуждать на тему человеческого совершенства и несовершенства.

- Вот смотри, выкини нас в город без денег и документов, мы на второй день взвоем как волки от голода, а на третий попадемся милиции. А эти образины годами где-то бродят, воруют, побираются, добрые люди их кормят-поют. Живут, как хотят.

Действительно – жили, как хотели, благо желания у них были по большей части незатейливые. Одно время в обвинительных заключениях фигурировала стандартная формулировка: «самовольно покинул часть, празднo проводил время». Потом руководители сверху пояснили, что празднo проводить время - это загуливать в кабаках с девицами. А жить в подвале и питаться объедками – это называется «проводить время по своему усмотрению».

Да, усмотрение у них было разное. Один дезертир несколько месяцев жил в лесу и питался чем Бог пошлет, а в конце освоил диету из сосновых шишек. Когда Шершнев приехал осматривать его лежку, там была целая гора ореховой шелухи, сложенная в горочку – как белка нагрызла.

Дезертиры были нередко людьми далеко не безобидными. Многие промышляли преступлениями – в основном, кражами и грабежами. Но бывало и что-то куда хуже. Человек в таком разболтанном психическом состоянии, когда надо хорониться, и весь мир против него, порой легко перешагивает порог и начинает разбойничать, а то и убивать.

В проеденных гласностью и перестройкой СМИ начала будоражиться тема дезертиров и самовольщиков. Идея толкалась простая – бегут исключительно те, над кем издеваются кровожадные командиры и «деды». Тем более, действительно случаи в войсках были совершенно дикие. В Группе войск в Германии и где-то на Севере встречались факты, когда старослужащие экспериментировали, насколько может похудеть «молодой», так что солдатики умирали от дистрофии. Ну, и побои, даже убийства – все было. Были и срывы, когда «молодые», заступив в караул, крошили из автомата сначала «дедушек», а потом на кого Бог пошлет. Так что возникла иллюзия – бегунки это всегда жертвы. Началась широкая кампания за борьбу с неуставными отношениями в армии. Карали за это жестоко и бескомпромиссно. Но в реальности картина была несколько иная.

- Все это чепуха, - объявил прокурор на летучке, когда подняли эту тему. – Запомните, товарищи следователи, никогда не верьте самовольщикам. Они всегда врут.

И был прав - Шершнев потом убеждался в этом не раз. Чаще рассказы об ужасах казарменных издевательствах не подтверждались.

Как-то ему попался уникум из славной пехоты. Он бежал уже четыре раза. Хотелось зарыдать от описания казарменных ужасов, которые самовольщик расписывал хорошо поставленным голосом и заученными фразами. Попытки были похлеще, чем в Гестапо, и все почему – потому что с ним служили всегда сплошь звери.

Очнувшись от морока, Шершнев подумал, что картинка слишком драматичная и кинематографичная. Копнул поглубже. Выяснилось, что пехотинец, когда ему надоедало служить, тут же сбегал. Когда его ловили, вешал на уши лапшу или командирам, или сотрудникам прокуратуры, какая он несчастная жертва жесточайшего насилия. И что он повесится, если его не переведут в другую часть. Его переводили. Но доказать факты его избиений никто так и

не смог. А он, пообвыкшись на новом месте и утомившись от тягот военной службы, двигал в очередной поход. И все повторялось.

Разобравшись в ситуации, Шершневу доложил обо всем прокурору, который кивнул:

- Я же тебе говорил – они все врут. Дело в суд...

Так вот Шершневу и жил. Выжимание пота по заветам Форда. Работай, пока не сдохнешь. Но человек такая скотина. Ко всему приспосабливается. Даже к конвейеру.

Оглянуться не успел, а уже полгода каторжной службы на благо правосудия пролетело.

Зима в Баку теплая, как правило, без минусовых температур. Но зато в кабинете-веранде стало так зябко, так что зуб на зуб не попадал. Приходилось надевать под китель свитер, что вызывало недоброе, но молчаливое, недовольство у заглядывавших в кабинет офицеров-строевиков с большими звездами. В углу работала самопальная обогревалка, которая однажды закоротила и чуть не сожгла прокуратуру – спасла секретарша, залившая огонь из чайника.

Ладно. Новое дело. Шершневу начал долбить по клавишам пишущей машинки «Москва» - казенной, служебной и расшатанной до безобразия.

«Проживал с января по июнь в подвале с лицами без определенного места жительства»». Пальцы уже стали железными от этой долбежки, скоро наросты костяные появятся.

Надо бы купить на свои «Эрику», но двухсот двадцати рублей жалко. Так что приходится сбивать пальцы о тугие клавиши и исправлять опечатки бритвой и черной авторучкой.

Отодвинув машинку и глядя в черное вечернее окно, Шершневу вдруг задался вопросом – а он вообще доволен своей нынешней жизнью?

С одной стороны, нервы, конечно, истрепаны прилично. Ничего не успевает. И начальство злится. Вместе с тем, если смотреть шире и глубже, то такого количества коллизий, смешных и драматических ситуаций кто-то и за всю жизнь не увидит.

Он ощущал себя в гуще событий. Притом не статистом, а действующим лицом, от которого много что зависит, в том числе и чужие судьбы. Грело это самолюбие – тут уж стесняться нечего, у всех ведь так.

Глава 5

Вечером, вернувшись в общагу, Шершневу увидел на столе большую обгорелую проплешину. А потом соседи подросли и стали сообщать:

- Представляешь, после смены Сергеич сунул кипятильник в стакан и заснул. Вода выкипела, кипятильник взорвался. Загорелся. Хорошо, мы гарь почуяли.

Шершневу вздохнул. Кипятильник был его собственным. Сколько им чая приготовлено. Да и если бы пожар – вещи бы сгорели. Ничего такого, что нельзя восстановить, но все же жалко. И Сергеича жалко, если бы он сгорел. Да и общежитие тоже.

Подполковник, протрезвев, прятал глаза и чувствовал себя виноватым. Шершневу по такту душевному и психологической бесконфликтности тему муссировать не стал. Но Сергеич сам заговорил, вздохнув:

- Да, чуток перебрал. Но повод был.

- Достойный хоть повод? – спросил Шершневу устало.

- А как же! Квартиру мне дают. Четырехкомнатную. На вершине горы.

- Видели уже ее?

- Да, смотрел. Ордер подписал. Вот семью привезу.

Не сказать, что это было хорошо. Шершневу с Сергеичем где-то даже душевно сроднился за месяцы жизни бок о бок. И еще неизвестно, какого напыщенного павлина на его место поделят.

С другой стороны, надо было порадоваться за него – все же большая квартира в большом городе, мечта для военного. И семью, наконец, привезет, жена ему столько пить не даст.

На следующий день Шершневу помогал упаковывать немногочисленные вещи, а летчик, переводя дух, все матерился на свое руководство.

- Ты мне скажи, самолет им что – персональный Уазик под задницей? Это самолет. «ТУ-134». Час эксплуатации пять тысяч рублей стоит – столько же, сколько машина. А они его за водкой гоняют.

В Ставке южного направления командующему и члену военного совета было положено по самолету ТУ-134. Генералы ненавидели друг друга, как два альфа-самца, оказавшихся в одном вольере. В Москву на одно совещание летели на разных самолетах. Но это полбеды. Гоняли эти самолеты, как извозчиков. Детей на экскурсии возили. Собак на случай. По идее разбазаривание государственных средств. Но кто ж им попеняет? Тут политический момент нужен, чтобы такие фигуры двигать...

Летчик убыл. На его место вселился резидент.

Без шуток. Резидент был настоящий. Точнее, заместитель резидента ГРУ в Пакистане.

Тоже оказался на редкость комфортным и интересным соседом. Звание имел полковника, служил в разведуправлении Ставки. И все со вздохом вещал, с каким тупым дубьем ему, профессиональному дипломату, приходится работать. То ли дело агентурная разведка за рубежом – кураж, риск, гусарство. А тут – равняйся, смиренно!

Удивительная у него судьба. Сам из глухой деревни. У него было десять братьев и сестер. И многие карьеру сделали. Он вот полковник. Его брат возвысился в иной сфере – дослужился до вора в законе.

Разведчику все время приходилось отписываться, что к брату, как и к вору, малинам и домушникам, он отношения не имеет. А брата не видел с детства, и какой он там вор – знать не знает и не хочет знать. Такая родня не мешала ему дослужиться до заместителя резидента.

Он тоже любил иногда выпить, но не до свинства. После пары стаканчиков вина приходил в ностальгически-грустное настроение и начинал учить Шершневу жизни и ремеслу. Все

напутствовал, как засекать наружку, вспоминал, как от слежки уходил, переодевшись в паранджу.

В Пакистане его «сожрали» собственные подчиненные. Он пропил какие-то копейки на оперативные расходы, и на него донесли со скоростью стука, которая, как всем известно, опережает скорость звука. Такие милые отношения встречались порой во внешней военной разведке - ради карьеры глотки друг другу грызли.

В другой раз, приложившись к бутылке, резидент начинал читать стихи собственного сочинения. Кстати, неплохие.

Глава 6

Теплая зима мягко переходила в теплую весну. За что любил Шершневу юга – морозов и снега нет. У него до сих пор внутри все холодело, когда он вспоминал заснеженный институтский плац, который приходилось долбить ото льда, скрести, очищать.

На работе крепчала клоунада, буффонада и театр абсурда. Подследственные становились все чуднее и забавнее.

В тот день Шершневу безвкусно откусал в «Кафе бифштекс». Еще на подходе к своему кабинету услышал настойчивую трель разрывающегося телефона. Звонили, не переставая. Видимо, сильно он кому-то нужен. Кому и зачем? Аж не по себе стало.

Он поднял трубку. В ней послышался испуганный и полный отчаянья голос адвокатши:

- Вы не представляете, что он плетет!

- Кто? Ромео наш?

- Он. Господи, какой дурак!

История трогательная и глупая, в стиле Шекспира. В ней был не только дурак. Там была еще и дура. Вместе – такие современные Ромео и Джульетта.

Любвеобильный балбес из стройбата спутался с девкой, которая за кражи тянула срок «на химии» – то есть на принудительных работах на стройках народного хозяйства. Полюбили друг друга неземной любовью. От избытка чувств он смылся со своей части, она – со своей «химии».

Месяца два околачивались по подвалам, срывая заветные плоды любви с древа Мироздания. Повязали люди в погонах в итоге обоих. Он во всем признавался и каялся, но требовал, чтобы ему дали адрес, куда отправили его даму сердца. С адресом как-то не получилось, и дело ушло в суд.

Теперь «Ромео» закатил на заседании трибунала истерику и начал нести что-то несусветное, туманно признаваясь чуть ли не в грабежах, убийствах, бандитизме, что было наглым враньем. Дело грозило прийти на следствие.

- Он совсем свихнулся, – чуть не плакала адвокатша в телефонную трубку. – Найдите же этот адрес! Иначе ему лет десять дадут!

- Понял я, – кисло произнес Шершневу.

Взял телефонную книжку. И начал названивать в управление исполнения наказаний МВД Азербайджана.

Удивительно, но адрес «Джульетты» ему удалось узнать довольно быстро. И уже к началу следующего заседания трибунала адвокатша принесла заветную записочку. «Ромео» тут же успокоился, взял все свои старые показания назад, перестал из себя изображать главу мафии.

В общем, дан приказ ему на Запад, ей в другую сторону. Он поехал в дисбат, а его «Джульетта» за нарушение режима на зону. Интересно, срослось ли у них что дальше? Вряд ли...

А через два дня новые Ромео и Джульетта – молдаванин и азербайджанка. Там все еще гуще замешано было.

Недавно Шершневу попалась статья в «Науке и жизни». Оказывается F 63.9 – это номер, под коим любовь внесена в реестр заболеваний Всемирной организации здравоохранения. Ее отнесли к психическим отклонениям по пункту «Расстройство привычек и влечений», сразу после алкоголизма, игромании, токсикомании, kleptomании. И, ох, как же врачи правы.

Шершневу уже насмотрелся инфицированных. Толпа влюбленных идиотов, идущих по своим и чужим жизням, как по пепелищу – только разбитые черепки под ногами хрустят. В порыве страсти люди теряют и разум, и инстинкт самосохранения. Все цивилизационные наслоения с них слетают, как тонкая позолота с чугунной болванки. И открывается необузданное эмоциональное ядро динозавра, яростно скачущего по болотам в поисках своей самки.

Ну, а дальше может быть все, что хочешь. Поножовщины, самоубийства. Недавно молодой лейтенант, жена которого охотно спала со всем военным городком, но неохотно со своим мужем, в порыве любовной горячки в карауле разнес свою тупую голову выстрелом из пистолета. Но больше всего случается дезертирств.

Приходит из дома солдату письмо от тетки с поселка: «ждать не буду, забудь обо мне, нашла другого!» И замолк оркестр, тушите свет. Погорюет денек юный дурак, да и двигает в самоволку выяснять отношения. Потому что у него любовь и страсть. Потому что его предали. И потому что ему уже плевать вообще на все и всех, и на себя тоже. И хорошо еще, если без стрельбы и поножовщины обойдется. А то, бывало, уходили с автоматами, а потом пострелушки и войнушки.

У Шершнева было дело - один из таких самовольщиков умудрился свалить за два месяца до демобилизации, поскольку девушка написала, что выходит замуж за другого. Это был один из немногих случаев, когда парня было жалко до слез – он весь был какой-то правильный, дисциплинированный, и человек нормальный по жизни. В общем, и командиры по нему грустили, и прокурор. Но закон суров. А любовь зла - полюбишь и овцу.

И вот очередные жертвы болезни. Или у них меркантильный расчет? Вот и выясним.

Молдаване конвоиры привели на допрос и оставили в кабинете. А в коридоре уже роилась, гудя, как пчелиный улей, толпа - такие аульного вида азербайджанцы. И с ними девушка лет восемнадцати, молоденькая, тоненькая, симпатичненькая и ни бельмеса по-русски не понимающая.

У этого семейства несколько месяцев прятался сбежавший из части молдаванин. И теперь оно пришло за него заступаться - типа, свободу попугаям.

- Чего вы за него подписываться приехали? Он вам что, родня? – удивился Шершнев, оглядывая толпу.

- Он ее муж! – гордо поправил папаху старший аксакал.

Выяснилось, что, оставив родную часть, дезертир прибил на овечью кошару в горах, там и сошелся с дочкой хозяев – той самой симпатичной и молоденькой девчонкой, которая стоит, потупив глаза.

Самое интересное, молдаванин по-русски почти не говорил, а она и вовсе этот язык никогда не знала. И еще он ни в зуб ногой по-азербайджански, а она вообще не представляла, что есть на свете какой-то молдавский язык. Как они общались – непонятно. Наверное, на языке любви.

- Да ладно, - усмехнулся Шершнев, глядя на аксакала.

- Она его жена, - настойчиво долдонил аксакал, тыча пальцем в свою дочурку.

- Жена, да? – едва сдерживал смех Шершнев.

- Да. Жена!

- Ну, а это кто? – спросил Шершнев, проведя аксакала в кабинет и демонстрируя ему справку, из которой следовало, что дезертир уже женат в своей Молдавии.

- Этого не может быть! – покачал головой аксакал, злобно косясь в сторону съездившегося молдаванского Дон Жуана. – Он муж моей дочери. А та жена не при чем... Эта жена настоящая!

Глава 7

- Ровно год назад в это же время я на полигоне разбил морду солдату, - с какой-то мечтательной романтической интонацией произнес Снегирев.

- За дело хоть, Коля? – поинтересовался Шершневу.

- Конечно. Грузин приказы не выполнял, вел себя вызывающе, саботировал работу. Слов человеческих не понимал. Ну, я ему и двинул.

- Выжил он хоть? – Шершневу выразительно посмотрел на атлетическую фигуру Снегирева.

- Да чего с ним, животным, станется? Дал ему в рыло, а он на меня начал что-то по-своему визжать. Я ему: «Не смей говорить со мной на своем обезьяньем языке!» А он мне гордо так, как гадающий орел с вершины Кавказа, кинул: «Мой язык не обезьяний. Мой язык грузинский!..» Ну что, будем, - Снегирев поднял пивную кружку и чокнулся с кружкой своего собутыльника.

Их компания выглядела забавно. За стоячим столиком в пивнушке в центре Баку устроились два лейтенанта – щедушный Шершневу и здоровенный, двухметровый Снегирев. Сообразно живому весу и питейной практике – перед Снегиревым четыре кружки пенящегося, с недоливом, пива, да и тех хватало ненадолго. Шершневу за это время не успевал прикончить и одну.

Познакомились они на общем совещании, куда собрали всех военных следователей Баку. В городе было три прокуратуры – гарнизонная, Четвертой армии и Каспийской флотилии. И все сотрудники активно общались между собой. Иногда происходили переводы с повышением из одной в другую. Это было такое профессиональное сообщество.

- Заходи в гости. Посидим, поговорим, - предложил Снегирев после короткого знакомства с Шершневым. - Все же земляки.

К москвичам за пределами Москвы все относились с некоторой предвзятостью, считая их зажавшимися и далекими от простого народа. Так что повстречать такого же «зажавшегося» было радостно. А то вокруг одни «незажавшиеся», но часто лоснящиеся от жира.

Снегирева как раз назначили следователем в прокуратуру четвертой армии. Путь его на эту должность был тернист. Окончил он МГУ с отличием. По окончании университета загремел по призыву офицером-двухгодичником, которых еще называли иронично «пиджаками», в мотострелковые войска в районе Ленкорани.

Ему вручили взвод под командование. При этом прошлый командир, сдававший дела, хитро и умело повесил на него выплаты за все недостатки и недоукомплектованность. Редкий лейтенант, имеющий в распоряжении личный состав и технику, получал полную зарплату в двести двадцать рубликов. У него постоянно высчитывали за какие-то порчи и утраты имущества. Вот и Коля целый год платил из зарплаты деньги за запчасти от БТР, которые он не воровал и не терял. Да, кадровому офицеру надуть «пиджака» сам Господь велел.

Двухгодичников в армии всегда воспринимали, как балласт. Никто не рассчитывал, что «пиджак» справится с личным составом. Но Коля справился. Каким образом? Упрямством, хитростью, подвешенным языком и физическим насилием.

С физическим насилием у него все было нормально. Кандидат в мастера спорта по баскетболу и первый разряд по карате - было, чем вразумить зарвавшихся солдат.

В Ленкорани климат тропический, личный состав диковатый, нравы, как в пампасах. Жить трудно, но можно. Хотя осточертевает быстро. На радость Снегиреву, там его нашел, как жемчужину в навозе, прокурор Четвертой армии Медведицкий и перетащил в прокуратуру, заодно списав все его долги перед полком.

Снегирев был примером положительного естественного отбора, образцовый человеческий материал. Двухметровый широкоплечий красавец. Умный, настойчивый, аккуратный,

проницательный, коммуникабельный. Такие в Германии пропагандировались как образец истинного арийца – хоть сейчас на плакат. И еще - прекрасный следователь, работающий, самоотверженный.

Недавно его направили осматривать место происшествия. Крановщик навернулся с высотного крана, и нужно было лезть наверх, осматривать, фотографировать. А Снегирев дико боялся высоты – такой врожденный страх, который не вытравить ничем. Лишь тот, у кого он есть, понимает, что это такое. Это когда на высоте ноги подгибаются, тело немеет, не можешь сделать ни шагу, грудь спирает, хочется сдохнуть. Этот страх не принадлежит тебе, ты принадлежишь ему.

И вот с этой фобией Снегирев по скользкой металлической лестнице забрался на самую верхушку трясущегося под порывами бакинских ветров высоченного подъемного крана. Слезать было еще тяжелее. Приехал оттуда бледный, руки подрагивали, но сделал все.

- Как же ты смог? – с сочувствием спросил Шершневу.

- Да потому что я следователь. И потому что надо, - отмахнулся Снегирев, пытаясь сдерживать дрожь в руках.

В общем, он был бы идеальный человек светлого будущего, если бы не одно «но». Пристрастие в зеленому змию, с которым он сроднился давно и плотно.

По вступлении в должность ему сразу дали квартиру напротив Прокуратуры армии - это совсем рядом с древней бакинской крепостью, где снимали Стамбул в фильме «Бриллиантовая рука», и артист Андрей Миронов кричал: «Черт побери!»

Квартира была выдавшая виды, с просторной верандой и газовой колонкой, а также с сожителями - мышами. Старый фонд, древний добрый Баку. Соседи, пьющие чай на своих верандах и чинно здоровающиеся.

Туда быстренько приехала Василиса – жена Коли, коренная москвичка, красавица, спортсменка – тоже КМС по баскетболу, под стать ему ростом. В Баку последовала за мужем без лишних слов. Детей, правда, оставили в Москве.

Шершневу мало встречал более отзывчивых, компанейских и интересных людей, чем Снегиревы. И очень быстро их квартира стала центром притяжения для всех молодых сотрудников военных прокуратур. Сложилась отличная кампания из людей, с которыми вместе и в огонь, и в воду, и в пивной ларек.

Ох, сколько пьянок и гулянок, сколько откровений в душевных разговорах было там. Жили, можно сказать, одной семьей - в приличном смысле слова. Точнее – единым братством. Скорее даже, «прокурорской коммуной». Вместе работали до упаду. Вместе отдыхали, максимально используя для этого редкие минуты.

Выезжали на природу. Пьянствовали, потом трезвели. Помогали друг другу, чем могли, ничего не прося взамен и зная, что так же беззаветно помогут и тебе.

Имперские воины на краю Империи, которая набирала скорость и все быстрее летела в пропасть...

Глава 8

- Все достало, - философски подытожил Шершнев, постигнув душой и разумом суть момента бытия. Пнул ногой стену, так что она вздрогнула. И с размаху швырнул на пол пачку документов.

Как-то на совещании, не подумав, Алексеев довел до сведения подчиненных результаты исследований в системе МВД, которые пришли в качестве обзора. Психологи в погонах подсчитали и ужаснулись - семьдесят процентов оперативных работников и восемьдесят процентов следователей МВД находятся на грани нервного срыва. А что за этой гранью?

В военной прокуратуре, понятно, дела обстояли не лучше. Ибо процессуальных напрягов и несуразиц было не меньше, но плюс к этому добавлялись и армейские чудачества.

Следователь – самая адская работа в правоохранительной системе. Это вечный кошмар. Давят удавкой срока следствия, содержания под стражей, вечные вопросы, где найти понятых, переводчика с какого-нибудь горно-киргизского диалекта, как заставить бандита побыстрее ознакомиться с делом и поставить свою закорючку. Суток фатально не хватает. И еще все время погоняют начальственные крики:

- Давай дело. Когда дело в суд отправишь? Дело давай!

На Дальнем Востоке в военной конторе служил следак с тонкой душевной организацией. И все эти крики и разносы сильно ранили его трепетную суть. Давай дело, да давай! А где его взять, если свидетели не подошли, обвиняемый не раскололся, адвокат не появился, кругом саботаж, а тут еще куча справок по почте идет и никак не придет! Но прокурора это не интересует, он все орет – давай, грузи, кидай, не останавливайся. И обижаться на начальника грех – он тоже человек подневольный. На некоего из прокуратуры округа тоже орут – давай да давай. Всем надо, чтобы следователи уложились в двухмесячный срок следствия. Или, из области догоним и перегоним - в месячный срок с приговором – это вообще высший класс. Но справок-то нет. И времени нет. И кругом одна засада.

Вызвал этого бедолагу следователя на ковер прокурор:

- Давай дела! Когда дела будут?

- Завтра, - честно посмотрел прокурору в глаза следак.

Полковник от абсурдности такого заявления даже накал агрессии сбавил и усмехнулся:

- Ловлю на слове. Иди, работай.

Следак и остался работать. По-стахановски отработал всю ночь. Взял все находящиеся в производстве дела. Написал от фонаря протоколы допросов, ознакомления с материалами дела, обвинительные заключения. Все успел. Сам за всех расписался – за обвиняемых, свидетелей, адвокатов. И утром прокурору все дела на стол:

- Готово! Как обещал!

Прокурор полистал дела. Задумчиво так, по-отечески ласково, посмотрел на следака, на лице которого впервые читалась расслабленность, а глаза лучились энтузиазмом и жадой жизни. И направил его в психушку на обследование.

Психиатры разобрались быстро, избавили военную службу и следака друг от друга. Но тот почему-то горевать не стал. Самая расслабленная работа для юриста – это юрисконсультантом. На работу можно было не ходить, главное вовремя визировать приказы начальства и выступать время от времени в арбитражном суде. Платили немного, но юрисконсульты устраивались по совместительству на три-четыре места и чувствовали себя прекрасно. Вот и этот парнишка пристроился неплохо. Вскоре машину себе купил. И приезжал в прокуратуру к коллегам зло-радоваться:

- Ну что, работаете? Быстрее надо. Дела надо в суд сдавать. А то привычку взяли – продление сроков просить!..

В общем, достало все, и в тот день Шершневу сорвался. Не до конца, конечно - до конца он не срывался никогда, будучи натурой впечатлительной и нервной, но в душе вполне расчётливой. Но тут просто выбесило очередное какое-то бумажное свинство.

Он разбросал все бумаги по кабинету. Кабинет запер. Утром поехал в сорок пятый стройбат. К тому времени уже успокоился. А когда добрался до прокуратуры, то застал и руководство, и сотрудников слегка ошарашенными, испуганными, а на их лицах при его появлении читалось какое-то облегчение.

- Что тут? – спросил он секретаршу.

- Уф, - выдохнула та с облегчением. – Ваня. Живой, здоровый. А то мы тут испугались.

- Да что случилось?!

Оказалось, из Тбилиси утром приехал проверяющий подполковник юстиции. Где ему обустраиваться? Прокурор выдал ключ от самого большого кабинета – веранды, где обитал Шершневу. А там погром, как после визита Батки Махно в казначейский банк. Все бумаги на полу.

Больше всего, кажется, перепугался сам проверяющий:

- А что стряслось? А что с ним?

Особенно его интересовало, не утопился ли и не повесился после нервного срыва следователь. Прокурор его успокоил – этот не повесится. Но проверяющий все больше нервничал. И был приятно удивлен, увидев бодрого и недоумевающего Шершневу.

- А что с вами было? – вкрадчиво полюбопытствовал проверяющий.

- Порядок в кабинете наводил, - нахально прокомментировал Шершневу. - Думал, утром закончить уборку. Но по делам в стройбат выехал. А тут вы.

- Ну, вы главное больше не нервничайте, - успокоительным тоном психиатра уговаривал проверяющий. - Если помощь нужна – в округ обращайтесь.

Тут прокурор зло посмотрел на подполковника – кому нужно, чтобы сотрудники обращались через его голову в округ?

Когда проверяющий уехал, Алексеев припомнил Шершневу все недочеты и проколы. Наказать следователя мог только вышестоящий прокурор, да и то после служебных проверок, так что с дисциплинарным взысканием вопроса не возникало. Но прокурор гарнизона был не в духе и пообещал устроить Шершневу на его рабочем месте офицерский дисбат.

Потом смиловился и заменил строгим надзором. Передал под крыло новому помощнику прокурора капитану Беленко:

- Теперь у вас следственная группа!

Ну да. И Шершневу там отныне был на побегушках...

Глава 9

- Давай, машина уже ждет, - поторапливал Беленко. - Там под Баку военные водители ДТП устроили. Местный народ волнуется. Так и до массовых беспорядков недалеко.

В военной прокуратуре табель о рангах немного иной, чем в гражданской. На гражданке помощник прокурора и следователь фигуры равнозначные, при этом выполняют разные обязанности. В военной прокуратуре самая низшая ступень следователь, потом старший следователь, затем помощник прокурора, старший помощник, заместитель, ну, и на вершине Олимпа главное божество – сам прокурор. При этом в военной конторе помощники прокурора заняты не только надзором и поддержанием обвинения в трибуналах, но обязательно расследуют уголовные дела. Так что по должностной иерархии Беленко был выше Шершнева на две ступени, а заодно и на две звездочки – был уже целым капитаном юстиции.

Сработались они моментально. Беленко оказался своим в доску. Внешне был строг, деловит и страшно ответственен. Но не пыжился, не строил из себя суперследователя, всегда был готов поддержать компанию и в ратном труде, и в буйном отдыхе.

На пороге кабинета, не дойдя до вешалки, Беленко подошел к настенному ростовому зеркалу и гордо поправил свою тщательно отутюженную морскую форму. Болезненно аккуратный, весь с иголки мариман смотрел на него оттуда. Невысок, коренаст, но подтянут, с военной выправкой, держался с эдаким военно-морским шармом.

В Баку он прибыл из Владивостока, с одной из прокуратур Тихоокеанского флота. На его груди сиял значок с кораблем за какой-то океанский поход – то ли дальний, то ли ближний, но это неважно. Главное, человек ходил под военно-морским флагом и навеки проникся напором и сладостью океанских ветров, волнующими душу песнями волн. Морская болезнь – это заразно. И он пропускал так небрежно время от времени: «Мы, моряки».

И не было силы, которая заставила бы его сменить морскую форму на теперь положенную ему зеленую. Так и оставался до упора мариманом в насквозь сухопутном коллективе.

Это был человек нелегкой судьбы. Его всю жизнь преследовали женщины. Они были как чугунные болванки, привязанные к ногам и тянувшие в темные пучины вод.

Он был не просто страшный бабник, а из тех бабников, которые в припадке любовного томления восклицают: «ежели что, я женюсь». И женился. Первый раз еще курсантом ВКИМО, в Москве. Распределили его на Север, в Полярный, где в гавани спят и видят свои сны ядерные подводные лодки. Жена-москвичка из интеллигентной семьи съездила туда. Тут же объявила, что не для того мама ее, нежный цветочек, растила, воспитывала и английскому языку учила, чтобы она в такой дыре в длинные полярные ночи завяла. Скандал. Развод. А потом непоследовательные, зато громкие, женские крики-упреки: «На кого же ты меня бросил, ирод?» И стала она писать на него письма в партком, что, негодяй такой, оставил семью, а еще коммунист.

У парткомов было такое любимое занятие – разбирать жалобы жен и всяких девиц, при этом жестоко карая за аморалку. Позже эта страсть к чужим семейным проблемам выльется в любовь населения к латиноамериканским сериалам. Но тогда мечту обывателя взлезть в чужую личную жизнь вполне можно было реализовать на партсобраниях.

В общем, бедолагу пропесочили по партийной линии за пренебрежение интересами семьи. За развод. За длинный язык. За все. Объяснения его слушать не стали. А в назидание отправили служить на Тихоокеанский флот.

Во Владивостоке Беленко тут же нашел себе адмиральскую дочь. Женился во второй раз. И, понятное дело, когда его стали на повышение переводить в какую-то черную дыру, ехать она с ним отказалась. А дальше по накатанной – развод, жалобы в партком, крики, вопли. То ли женщины везде одинаковые, то ли он таких находил. И теперь уже бывшие две жены писали на него – поматросил, бросил, такие недостойны называться коммунистами.

В итоге в наказание он очутился в военной прокуратуре Бакинского гарнизона. Это типа ссылки считалось.

Шершневу отправился в свой кабинет. Прихватил там выдавший виды кожаный портфель с бланками протоколов, рулеткой, упаковочным материалом, какими-то нитками, печатями и прочим инструментарием следователя. Да, еще фотоаппарат не забыть.

По дороге дознаватель из войсковой части разъяснил ситуацию. Грузовик из автобата шел. В нем рулил узбек из опасного и кровавого племени военных водителей. У многих военных водителей душа, видимо, большого дела и битв жаждет. Поэтому ездят они на грузовике как на танке – кто не спрятался, я не виноват. Вот на такого не спрятавшегося и наехал лихой узбек.

Качественно наехал. Когда прокурорские работники добрались в темноте до места происшествия, труп там уже не было. Но ошметки какие-то кровавые валялись на площади в пару десятков метров – Шершневу аж дурно стало.

На месте ЧП собралась толпа человек в пятьдесят из ближайшего поселка – это их односельчанина узбек переехал. Гаишники стояли какие-то испуганные. Толпа барагозила – мол, военные наших драгоценных земляков давят, как тараканов. Перед этим командир войсковой части уже приезжал, пытался уговорить селян словами о единстве народа и армии. Получил от них в лоб, успешно ретировался – а то могли бы и порвать на куски.

Ну, а дальше – концерт. Толпа волновалась. Но на представителей закона пока не прыгала – очень уж в Азербайджане власть уважали, тем более прокурорскую. А тут еще и Беленко в его идеально отутюженной военно-морской форме и властными барскими манерами вызывал у народа некоторую робость.

Начался осмотр места происшествия – тут рулетка Шершневу и пригодилась. Появился майор из воинской части – заместитель командира. Он напряженно косился на разгоряченную толпу, не без оснований опасаясь, что туземцы вполне могут наброситься и на него – если уж командира не пожалели. Начал сбивчиво расписывать, как этот наезд был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.